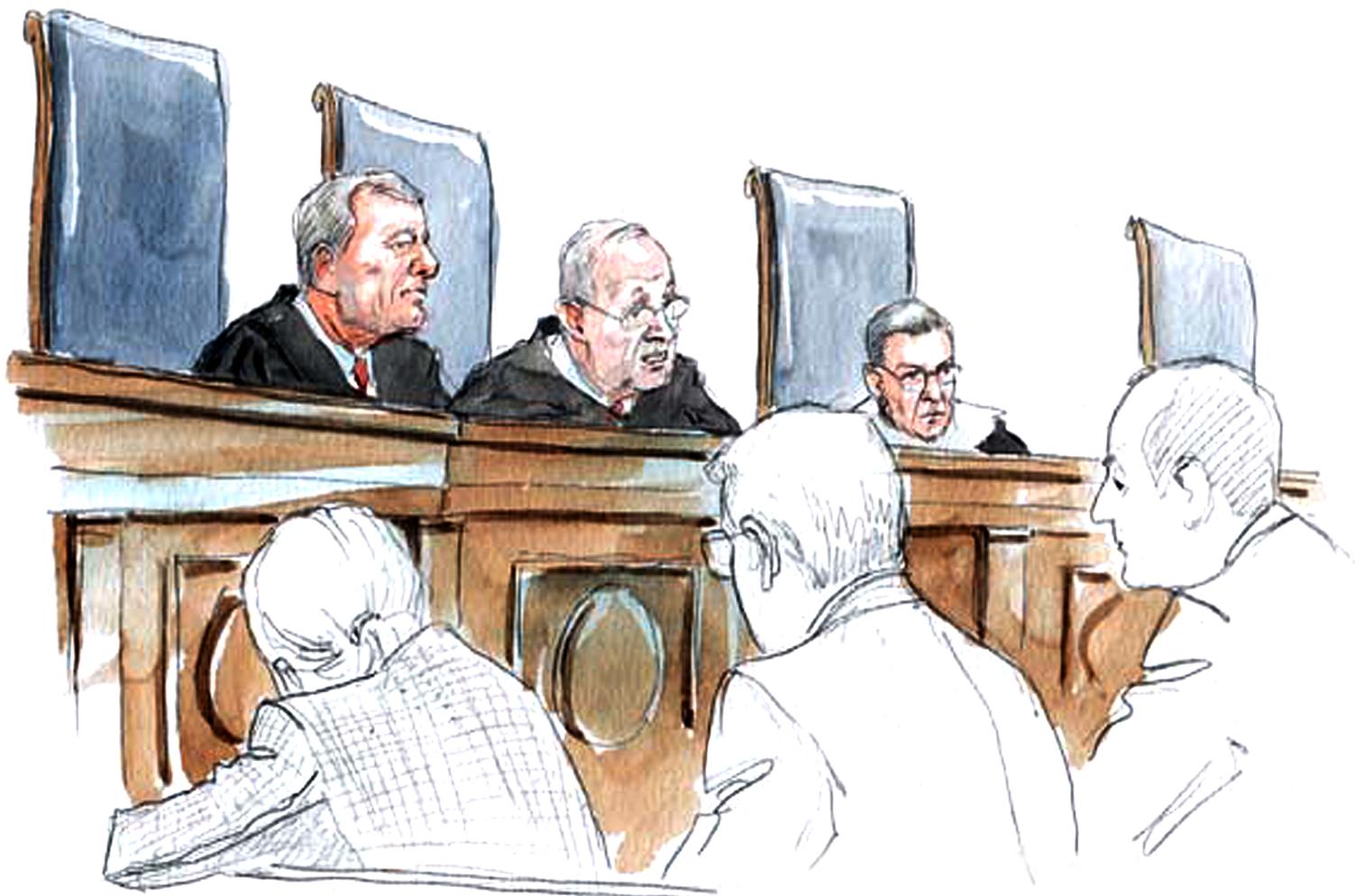

МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

ISSN 2587-8573

НОВЫЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК
международный научный журнал

7
2019

16+

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№ 7 (14) / 2019

Издается с мая 2017 г.

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Курпаяниди Константин Иванович, PhD

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Международный редакционный совет:

- Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмуратович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- Левгеева Т.Б.
Исторические аспекты развития правовой системы России 1
- Симакина Д.В.
Эволюция прав женщины в Древнем Риме 4

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

- Наумова Н.В., Комиссарова Я.А.
Обязательная служба в армии: пережиток прошлого или условие существования будущего? 6

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

- Половинкин В.В.
Развитие социального предпринимательства в России: историко-правовые аспекты 8
- Половинкин В.В.
Предпринимательская деятельность в международных организациях: правовое регулирование 11

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Алексеева Е.С.
Реализация принципа разумного срока судопроизводства в гражданском процессе 14
- Оськина А.М.
Гражданско-правовая ответственность застройщика в сфере строительства многоквартирных домов в Российской Федерации 15
- Шибаров М.Г., Гончарук С.В.
Совершенствование законодательства РФ о правонарушениях в области спорта: международные и национальные тенденции 17

АРБИТРАЖНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

- Брагин А.В., Гончарук С.В.
Анализ новой процессуальной реформы судопроизводства Российской Федерации 21

АВТОРСКОЕ ПРАВО И СМЕЖНЫЕ ПРАВА

- Конопля А.Д.
Оптимальная концепция прав на результаты интеллектуальной деятельности для российского законодательства и соблюдение их охраны в избирательном процессе 24

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Божукова Е.М.

Сравнительный анализ срочных трудовых договоров в белорусском и российском законодательстве. 27

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

Болотов Д.Ю.

К вопросу о понятии общественного контроля за деятельностью полиции. 29

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Зацепин Э.А.

Возможное исправление еще не принятых решений судов. 32

Прасолова М.Ю.

Причинно-следственная связь как признак объективной стороны преступления. 34

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Никанорова М.И.

Институт завещательного траста в праве Англии. 37

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Исторические аспекты развития правовой системы России

Левгеева Татьяна Борисовна, студент

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

В статье рассмотрены различные концепции российской правовой системы: от начала ее становления до изменений дореволюционного периода.

При изучении закономерностей становления и развития правовой системы России, как представляется, необходимо опираться в первую очередь на принцип историзма. Ставя это целью, то следует использовать сравнительно-исторический метод.

Отечественное право представляет собой весьма интересное, самобытное явление на правовой карте мира и имеет многовековую историю.

Изначально, первыми источниками русского права были — обычаи славянских племен, населявших Древнюю Русь. При разложении родовых общин и возникновении княжеств, обычаи переродились в обычное право (жалованные грамоты, купчие, духовные грамоты, накладные).

Неотъемлемой и характерной частью того времени, было заимствование византийского права, а конкретно, заключенные договоры 907, 911 гг. князем Олегом, Игорем в 945 г. и Святославом в 972 г. Наверное, это говорит о влиянии иностранного права на отечественное и о стремлении сохранить и оформить собственные обычаи.

Важное значение с вышеперечисленным занимает событие — принятие христианства в 988 г., которое послужило упрочению национально-традиционных основ права. Занимателен тот факт, который в исторической литературе указывает на то, что от Византии взято совершенные в технико-юридическом плане светских кодексов и введено новое церковное право, но в свою очередь, эти кодексы были составлены под влиянием славянского элемента. Самыми крупными являются Эклога Льва Исаврянина и Константина Копронима (739—741 гг.), Прохирон Василия Македонянина (870—878 гг.), Судебник царя Константина (или «Закон Судный людям»). Поддерживалась самостоятельность правовой традиции, так как заимствование сопровождалось с переработкой данных памятников и подстраиванием их под русские традиции, княжескому праву и отнюдь не получали безусловного значения для социальной почвы.

Непосредственным источником становления русского права играла государственная власть. Следует отметить уставы Владимира Мономаха, Ярослава,

его сыновья и их потомки. XI век ознаменован созданием Русской Правды — крупного законодательного акта, в своей основе представлявшая обычно-правовую инкорпорацию. Как подчеркнул Д. А. Медведев на Международной конференции в Ярославле в сентябре 2009 года: «это был первый наш кодекс, первый свод законов, который стал правовой основой для развития российской государственности на многие годы вперед. Князь, будучи хорошим законодателем, стремился утвердить в политике методы права и правды в понятных условиях и на уровне задач и представлений той самой далекой эпохи» [1, с. 1].

В дальнейшем развитии, русское право, впитывая в себя характерные процессы феодальной раздробленности Руси, отличается от классического феодального права. Как пишет известный русский дореволюционный историк-правовед М. Ф. Владимирский-Буданов: «бояре обладали большими земельными владениями и подчинялись городам наравне со всеми. Поэтому на Руси существовало не феодальное, а вотчинное землевладение, на смену которому пришло поместное право» [2, с. 234].

Уже на ранних этапах развития Древнерусского государства складывается правовая система феодального типа, закреплявшая социальное неравенство различных сословий перед законом и судом. Причем для правовой системы того времени характерно стремление ограничить сферу деятельности обычного права и регулировать все более широкий круг общественных отношений правом писаным.

Дальнейшее развитие правовой системы Древней Руси шло по пути дифференциации права (что является общей закономерностью развития права и правовых систем) и отхода от состязательного процесса в сторону обвинительного (инквизиционного).

Следует заметить, что в российской юридической литературе была высказана точка зрения, согласно которой государственный строй Древней Руси и Московского государства определялся не как феодальный, а как земский, социальная организация — как бессословная, а правовая система характеризовалась как «уникальное явление русской правовой соборности» [3, с. 253].

Если в Западной Европе раздробленность явилась следствием раздачи иммунных грамот сюзереном, то на Руси — следствием раздачи земель наследникам. Но различия в механизмах образования феодальной раздробленности лишь подчеркивают общность закономерностей развития государственности и права Западной Европы и Руси, поскольку представляют собой разные формы проявления этой закономерности.

В XVI веке Московское государство укрепляется. Иваном IV была проведена земская реформа — реформа местного управления, в ходе которой было ликвидировано кормление, то есть содержание должностных лиц за счет населения, и введено земское самоуправление. Наместничьи сборы сменились на «посошной окуп», который стал поступать в царскую казну, осуществлявшую и общий надзор за деятельностью органов земского самоуправления. Таким образом, земская реформа Ивана IV завершила перестройку на сословно-представительских началах местного управления и усилила централизацию государственного управления.

Русская правовая традиция выработала способы восполнения пробелов в законодательстве, появившихся после издания Судебников. Это издание царских указов, которые должны были «приписываться» к Судебнику 1550 г. и которые накапливались в специальных «указных книгах» приказов как ведомств «отраслевого» управления. Так, был создан механизм обновления права, соединявший в себе элементы различной государственно-правовой природы.

Правовая система Московской Руси в качестве важной составляющей имела церковное право и довольно развитую церковную юрисдикцию — основой которого был Стоглав — нормативный акт, содержащий сто статей церковно-светского права, принятый церковным Собором в 1551 году.

XVII век начался со Смутного времени, а закончился значительным усилением позиций центральной власти. Во второй половине этого столетия в России складывается абсолютная монархия. Земские соборы, которые в какой-то степени ограничивали царскую власть, постепенно перестают функционировать. Царская власть приобретает финансовую независимость, получая доходы от вотчин, различные подати и сборы. Политическая и экономическая роль боярства снижалась, соответственно, снижалось значение Боярской Думы. Одновременно укреплялась приказная система управления, подчинявшаяся непосредственно царю.

Вершиной русской средневековой правовой культуры выступает Уложение царя Алексея Михайловича — фундаментальная системная кодификация русского права, осуществленная комиссией под руководством боярина князя Н. И. Одоевского при активном участии Земского собора 1648—1649 гг. Исследователи отмечают ясность и доступность языка Уложения, достаточно высокий уровень его юридической техники. Не случайно данная кодификация оказала глубокое влияние на развитие российского права.

Следующий этап развития правовой системы России связан с деятельностью Петра I. Реформы

государственного аппарата при Петре I явились важным шагом на пути превращения русского самодержавия в чиновничье-дворянскую монархию.

Отечественная государственность и правовая идея в XVIII веке имели сложное и противоречивое продолжение. Московское государство претерпевает радикальные изменения своей юридической организации, превратившись в Российскую империю. В рамках данного преобразования была преодолена территориальная расколотовость государства на восточную и западную. Государство-империя утратило земскую территориальную организацию и вместе с тем важные составляющие своей сущности.

В 1708—1709 гг. Петр I провел административную реформу. Указом от 18 декабря 1708 г. «Об учреждении губерний и росписании к ним городов» [4, с. 166—169] вместо уездов, воеводств и наместничеств были учреждены 8 (затем 10) губерний во главе с губернаторами. В 1719 г. губернии были разделены на 47 провинций. Их возглавляли воеводы, обладавшие достаточно широкими полномочиями в административной, финансовой, полицейской и судебной сферах.

В феврале 1711 г. был учрежден Правительствующий Сенат, а с 1718 г. создаются коллегии, которые заменили действовавшие приказы. Функции, порядок делопроизводства в коллегиях, их структурная организация определялись Генеральным регламентом коллегий. В соответствии с указом Петра I от 12 декабря 1718 г. «Об управлении во всех коллегиях и в губерниях дел с 1720 года по новому порядку и о разделении дел между коллегиями» [5, с. 200] образовывались девять коллегий. Этим указом утверждался «Реэстр Коллегиям. О должности Коллегий, что в которой управлять надлежит».

Реформы Петра I и их влияние на правовую систему России оцениваются в научной юридической литературе неоднозначно. Резко негативную оценку этим реформам дает В. Н. Синюков в монографии «Российская правовая система: Введение в общую теорию»: «Навязанная Петром I России западная государственная основа и западные политические традиции — действительно диаметрально русским политико-правовым формам и поэтому первые внедрялись в русские политико-правовые отношения не иначе, как через насилие и рациональные мероприятия государственной власти» [6, с. 109].

Реформы Петра I объективно способствовали тому, что был расчищен путь для более интенсивного экономического и культурного развития страны, и в этом заключается их прогрессивный характер. Следует согласиться с мнением И. Н. Барцица, что в результате деятельности государя государственно-правовая система России была построена по европейскому образцу [7, с. 46]. Однако, это было достигнуто за счет значительного усиления бюрократизации государственного аппарата, широкого вмешательства государства во все сферы не только общественной, но и частной жизни, окончательного закрепощения крестьянства.

В результате в XVIII в. Россия стала полицейским государством, отличающимся детальной регламентацией всех сторон социальной, политической и экономической

жизни, ограничением гражданской и политической инициативы, ликвидацией общественной автономии.

Правовая система полицейского государства характеризуется тем, что чрезмерное усиление нормативной регламентации многочисленных и второстепенных вопросов вызывает произвол чиновничьего аппарата в правоприменительной деятельности и тем самым ведет к реальному снижению роли права как регулятора общественных отношений. Одновременно усиливается нигилистическое отношение к праву во всех слоях российского общества, правовое сознание россиян, с одной стороны, смиряется перед правовым произволом государственного аппарата, воспринимая его как должное, с другой стороны, оправдывает самые крайние меры борьбы против этого произвола.

Реформаторская деятельность Петра I задала новое направление развития российской правовой системы, по которому она продвигалась до 1917 г. В. Н. Синюков в этой связи совершенно справедливо отмечает: «Русскому государству XVIII века, созданному Петром I и сохранившему ведущие элементы своей сословно-полицейской концепции при его преемниках, суждено было прожить до февраля 1917 года» [8, с. 121].

Существенное воздействие на данном этапе развития российской правовой системы оказали реформы Александра II, среди которых прежде всего необходимо выделить Крестьянскую реформу 1861 г., отменившую крепостное право и монополию дворян на населенные земли. Также большое значение имела Судебная реформа 1864 г., которая утверждала отделение обвинительной власти от судебной, устность и гласность судопроизводства, равенство сторон в суде, принцип презумпции невиновности, вводился институт присяжных заседателей, устанавливался прокурорский надзор за ведением дел и т. д.

Литература:

1. Медведев Д. А. Будущее — за умной политикой. Доклад. Ярославль, 2009. 2 с.;
2. Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч. 274 с.;
3. Синюков В. Н. Российская правовая система: Введение в общую теорию. М., 2010. 672 с.;
4. Российское законодательство X—XX веков. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма/ отв. ред. Маньков А. Г. М., 1986. 512 с.;
5. Титов Ю. П. Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2002. 472 с.;
6. Синюков В. Н. Российская правовая система: Введение в общую теорию. 672 с.;
7. Барциц И. Н. Правовая система России: вызовы времени и тенденции развития. Право и жизнь. № 26. М., 2000. 50 с.;
8. Синюков В. Н. Российская правовая система: Введение в общую теорию. 672 с.;
9. Давид Р. Указ. соч. 271 с.;
10. Азнагулова Г. М. Понятийно-категориальный и структурно-функциональный состав правовой системы России: диссер. ... д. ю.н. М., 2015. 385 с.

Оценивая российскую правовую систему дореволюционного периода, Р. Давид отмечает, что русская юридическая наука, по его мнению, многое заимствовала «из византийского права, то есть из римского права». Одновременно он указывал на слабость юридических традиций и чувства права в России: «Важна не юридико-техническая отсталость русского права. Важно порожденное различием исторического развития разное отношение к праву в России и в других европейских странах...» [9, с. 157—158].

Противоречивые тенденции в развитии российской государственности на этапе от реформ Петра I до Октябрьской революции 1917 г. — сосуществование характерных черт полицейского государства с буржуазно-либеральными попытками внедрить некоторые признаки государства правового — определяли и противоречивость развития правовой системы России в этот период. Эта противоречивость отразилась на правовой идеологии российского общества, где правовой нигилизм и крайний радикализм сочетались с признанием ценности прав личности, ее свободы.

Указанные черты российской правовой системы дореволюционного периода оказали существенное влияние и на советскую правовую систему. Слом старого государственного аппарата, полная смена законодательства не искоренили в целом репрессивной направленности правовых норм, существенного преобладания запретительных норм над разрешительными. Принцип, «запрещено все, что не разрешено», сложившийся в ходе дореволюционного развития российской правовой системы, продолжал главенствовать и в советский период. И только в постсоветское время он уступил место демократическому принципу «разрешено все, что не запрещено» [10, с. 125].

Эволюция прав женщины в Древнем Риме

Симакина Дарья Владимировна, студент

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского

В статье рассматривается эволюция прав женщины в Древнем Риме на основе ее положения в древнеримском обществе.

Ключевые слова: правовое положение, брак, *pater familias*, проститутки, *Lupa*, весталки, *Virgo Vestalis*, права.

Evolution of women's legal status in Ancient Rome

The article discusses the evolution of women's legal position in ancient Rome based on her role in Roman society.

Keywords: legal status, marriage, *pater familias*, prostitute, *Lupa* *Virgo Vestalis*, rights.

В истории множества стран мира мужчины и женщины имели неравные права. На ранних ступенях развития римского общества, мужчины занимали главенствующее положение, нежели женщина, которая в свою очередь являлась, не субъектом, а объектом имущественных сделок.

Поставленную мною тему я бы хотела раскрыть через три группы женщин:

- 1) *Lupa*
- 2) *Virgo Vestalis*
- 3) *Trium liberorum* — законное право троих детей

В истории древнего мира многие ученые часто сталкиваются с явлением, имеющим в разных странах свое название: Баядеры в Древней Индии, *Kadeschim* в Малой Азии, *Mitbras* в Хамурапии, *Lupa* в Древнем Риме.

Проституция имела огромное значение не только как заработок денег, но и как культ.

В эпоху первых правителей в Древнем Риме быть *Lupa* считалось позором, женщины скрывались в публичных домах, которые были открыты лишь для узкого круга лиц. В исторических источниках есть информация о том, что один из первых и наиболее известных публичных домов *Lupa* был закрыт властями в виду происходивших там бесчинств. Это свидетельствует, что проститутки на начальных этапах развития Древнего Рима имели минимум прав, подобно рабам или чужестранцам. Сабатье говорил, что в руках цензоров были широкие полномочия для переустройства в области общественного и домашнего быта; разнузданность сдерживалась тем уважением, которое питали граждане к честности и моральным началам.

Позже с новыми завоеваниями в римское общество пришли такие явления как: роскошь, изнеженность, любовь к деньгам и наслаждениям. Они проникли во все классы общества и развратили его. Пороки, которые начали обнаруживаться в тревожное время ужасов гражданских войн, стали особенно процветать среди спокойной обстановки и утех мира. Участвовавшие прелюбодеяния, распутный образ жизни холостяков, необузданный разврат — все это шло рука об руку с победами и военной добычей и распространяло пороки всего мира [1].

В эту эпоху расцвета Древнего Рима мы встречаем *Lupa* по имени Флора, на которой женится один

из богатейших патрициев Рима, Таруций. Не говорит ли это о том, что права проституток эволюционировали? Более того, после смерти Флора оставляет все свое нажитое имущество (золото, дома) городу, который в свою очередь в знак благодарности устанавливает празднество в честь ее [3].

Со временем введения института брака в интересах государства было создано множество негласных общественных правил из-за, которых до Имперского периода проституция пошла на спад. Впрочем, постановления о браке касались только римских граждан, вольноотпущенники же и плебеи продолжали свободно предаваться проституции. Эта свобода была крупной политической ошибкой, и она неминуемо должна была создать тот очаг разврата, который впоследствии, во времена Империи, после больших войн с азиатскими народами, распространился на все классы общества и постепенно привел к упадку Рима [3].

Профессия *Lupa* существовала на протяжении всей истории Древнего Рима. Она являлась культом, заработком денег на нужды государства и не смотря на спады и подъемы была востребована всегда. Женщины жили богато, особенно те, кто удостоивался чести в ублажении значимых римских граждан.

Следующая категория населения играла не менее важную роль в Древнем Риме. Культ Весты, один из важнейших в древнеримской религии, традиционно вызывает интерес у специалистов.

Богиня домашнего очага и огня, горевшего в нем, Веста почиталась как покровительница государства, и огонь, пылавший в ее храме, считался вечным и неугасимым. Изначально дочери царя охраняли священный огонь, который оберегал домашний очаг всех римлян. Но со временем их заменила группа весталок — жриц единственного женского жречества в Риме.

В сокровенном месте храма, называвшемся «Пен», хранились священные предметы, среди которых находились пенаты — изображения богов-покровителей, привезенные, по преданию, героем Энеем из разрушенной Трои. Об этих предметах знали только верховный жрец — великий понтифик и весталки — жрицы богини Весты. Шесть весталок должны были поддерживать

огонь и совершать другие ритуалы, связанные с семейным культом [5].

Для посвящения в жрицы отбирались девочки от шести до десяти лет, родившиеся в семьях патрициев. Они становились весталками на тридцать лет и на протяжении всего жречества должны были оставаться девственницами.

В случае нарушения этого правила весталку ожидала смертная казнь: ее заживо хоронили в подземной комнате времен Сервия Туллия неподалеку от Коллинских ворот, на Квиринале, так как считалось грехом пролить кровь весталок. Это место называлось «Злодейским полем». Сообщника наказывали поркой до смерти во время народных собраний.

Но, с другой стороны, у весталок было много привилегий: они не подчинялись родительской власти, потому что функции отца выполнял Великий Понтифик, им даровалось значительное состояние, и они имели огромный престиж. Внешне это выражалось в том, что весталки передвигались по городу на повозке, сидели на специальных местах во время спектаклей, и их хоронили в гробницах (скорее всего общих) внутри городских стен. Если приговоренный к казни в день исполнения приговора встречал весталку, ему даровали жизнь [4].

Таким образом, в течение тридцати лет весталки служили своей богине. После этого они имели право возвратиться в свой дом и даже выйти замуж. Но по большей части весталки оставались при храме, поскольку занимали чрезвычайно почетное положение в Риме. Когда они ехали по улице, то все должны были уступать им дорогу. Их показания в суде имели решающее значение. Оскорбление весталки каралось смертью [5].

В казну весталок поступали штрафы за повреждение могил и надгробий, если это было специально оговорено (CIL, VI, 1421, 2939, 1631) [2].

Веста была символом, объединявшим римских граждан в одну большую семью вокруг общего очага. Потому культ этой богини, которую на земле представляли весталки имел столь важное значение в жизни римского государства. Пока пылал огонь Весты в ее святилище и хранились в ее храме священные реликвии, Рим, охраняемый этими святынями, был крепок и могуч.

Как было сказано ранее в данной статье в Древнем Риме институт брака вводился для установления в государстве моральных ценностей. Брак всегда поощрялся.

Многие авторы, например Новицкий, придерживаются того мнения, что в браке женщина имела минимум прав, это не так. Брокгауз в своем энциклопедическом словаре пишет о том, что бракосочетания в Древнем Риме поощрялись.

В Риме, где количество народонаселения всегда считалось одним из существеннейших условий государственного могущества, где заботы об умножении числа своих граждан всегда занимали правительство, на безбрачие всегда смотрели как на состояние недостойное и неприличное для римского гражданина, который хотя и считался по римскому праву самостоятельной частной личностью, однако в значительной мере должен был жертвовать своей самостоятельностью в пользу общегосударственных интересов.

На взгляде этом основан тот древний, установленный еще Сервием Тулием налог на холостых и вдовых, доход с которого предназначался на содержание лошадей всадников. Дальнейшее римское законодательство времен Республики, с одной стороны, поощряло брак различными преимуществами, предоставляемыми женатым перед холостыми, например, при выборе в государственные должности магистратуру или при занятии мест на публичных зрелищах, с другой — поручало цензорам порицать безбрачие, если оно было следствием легкомыслия.

Для вознаграждения лиц, удовлетворяющих требованиям законодателя, вступающих в брак и доставляющих государству молодое поколение, по римскому праву количество законных детей влияло на взаимные права супругов, большие из которых влияли и на права женщины. Супруги, которые не могли наследовать друг после друга более одной десятой части имущества умершего, по *ius tria liberorum* предоставлялось супругам, имеющим троих или более детей, завещать друг другу столько десятых частей, сколько они имели детей. Более того, после рождения третьего ребенка женщина получала свободу несмотря на вид брака, который был заключен изначально. Право это, имеющее большое значение, римские императоры стали жаловать впоследствии и женщинам, имеющим и менее, чем три ребенка [7].

В заключении, хотелось бы сказать, что несмотря на то, что Древнеримская женщина была подвержена многим правовым ограничениям, она все равно занимала высокое положение в обществе.

Литература:

1. Сергеенко М. Е. Жизнь древнего Рима // М. Сергеенко: Журнал «Нева», 2000. — 368 с.
2. Смирнова О. П. О характере культа Весты // О. Смирнова: Межвузовский сборник научных трудов Пермского педагогического института, 1992, с. 78–84.
3. Эдмонд Дюпуи Проституция в древности // Эдмонд Дюпуи: С-Петербург, 1907.
4. Filippo Coarelli. Roma. Guide Archeologiche. Mondadori Electa S. p.A. 2004, с. 96–100.
5. The code of Patria Potestas [Электронный ресурс] Режим доступа: https://web.archive.org/web/20051203215843/http://www.suppressedhistories.net/secret_history/patriapotestas.html - (Дата обращения: 01.05.2019).
6. Proving the *ius liberorum*: P. Oxy. XII 1467 Reconsidered Benjamin Kelly Department of Manuscripts, British Museum, Inv. 2458 Oxyrhynchus A. D. 263.
7. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона Том III // Банки — Бергер, 1891, с. 270–278.

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Обязательная служба в армии: пережиток прошлого или условие существования будущего?

Наумова Наталья Валерьевна, кандидат педагогических наук, доцент;

Комиссарова Яна Александровна, студент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Владимирский филиал

В статье представлен обзор современных тенденций, отражающих проблему — обязательна ли служба в армии? Рассмотрены преимущества и недостатки обязательной службы. Приведены аргументы в пользу контрактной военной службы.

Ключевые слова: Вооруженные Силы Российской Федерации, воинская обязанность, военная служба, контрактная служба, срочная служба.

Институт военной службы в России подвергся многочисленным трансформациям на протяжении последних десятилетий. Вопрос военной службы напрямую связан с политической обстановкой в стране и в мире.

Современные реалии, научно-технический прогресс, который породил прорыв в технологиях вооружения, новые формы войны, такие как информационная или психологическая, трансформация внешних угроз, вызовы, бросающиеся цивилизованному миру террористическими организациями — требуют особых, повышенных запросов к лицам, проходящим военную службу.

В данных обстоятельствах ведущую роль принимает качественный показатель, а не количественный. Отражением всех изменений и одновременно их проводником выступает законодательство, регулирующее прохождение военной службы в Российской Федерации.

Проанализировав статью 2 Федерального закона от 28.03.1998 №53-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «О воинской обязанности и военной службе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2019), можно утверждать, что «*военная служба — особый вид федеральной государственной службы*».

Однако Конституция разделяет обязанность защиты Отечества с обязанностью прохождения военной службы (в ст. 59 ч.1) [1].

Конституция не регламентирует прохождение военной службы. В этих целях принят Федеральный закон от 28 марта 1998 г. №53-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «О воинской обязанности и военной службе» [2].

Воинская обязанность граждан Российской Федерации предусматривает призыв на военную службу, что согласно законодательству, представляет собой обязательное направление граждан на военную службу.

Факт призыва на службу здоровых и физически, и психически, но, тем не менее, немотивированных, неподготовленных призывников, является крайне неэффективным действием.

Более того, исследователи считают, что институт призыва не соответствует Конституции РФ. Например, по мнению П. С. Шалаева, противоречат Конституции следующие статьи Федерального закона от 28 марта 1998 г. №53-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «О воинской обязанности и военной службе»:

- призыву на военную службу подлежат только граждане мужского пола в ст. 22, п. 1
- призыв ограничивает на срок, равный сроку прохождения военной службы, свободу и личную неприкосновенность призванных граждан, ст. 22, ч. 1 [5, с. 228].

Институт призыва нарушает права и свободы гражданина, обеспеченные Конституцией РФ, такие как «свобода передвижения», «свобода выбора места жительства» [4, с. 32].

Таким образом, институт призыва, отождествленный с обязательной военной службой, представляется малоэффективным, и, более того, противоречащим положениям Конституции РФ.

Очевидные недостатки института призыва вызвали общемировую тенденцию, когда срок обязательной военной службы стал сокращаться, а удельный вес граждан, проходящих военную службу на контрактной основе, значительно вырос. За последние 12 лет срок военной службы в Российской Федерации сократился с 2 лет до 12 месяцев (Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» от 28.03.1998 №53-ФЗ), тем не менее, значительно сократив количество оснований для отсрочки [2].

Данные изменения исходят из цели привлечь как можно большее количество граждан на меньший срок, то есть, в сущности «ознакомить» их с прохождением военной службы без углублённого познания военного искусства, без развития необходимых качеств и умений, то есть призыв, таким образом, стремится за «количеством», а не «качеством».

Качество военной службы должно обеспечиваться посредством контрактной военной службы.

Схожие изменения, как мы упомянули выше, являются мировой тенденцией. Так, в США военный призыв отменён и замещён постановкой на военный учёт. В Италии с 2005 года осуществлён переход на профессиональную армию. К числу стран, в которых армия полностью состоит из профессиональных военных, относятся и Китай, и Франция, и Испания, и др. [3, с.87].

В чем же польза обязательной военной службы для Российской Федерации?

На сегодняшний день в России срок военной службы составляет 12 месяцев. Призыву подлежат граждане мужского пола в возрасте от 18 до 27 лет, состоящие на воинском учёте или не состоящие, но обязанные состоять на воинском учёте и не пребывающие в запасе [5, с.230].

Стоит отметить, что, несмотря на значительно сокращённый срок военной службы, многие призывники уклоняются от службы в армии, являясь абсолютно годными.

Основная причина такого явления — это страх из-за сложной криминогенной ситуации в армии, тому свидетельствует пропорциональное снижение уклонистов, относительно преступных посягательств и конфликтных ситуаций в армии, большее число которых составляют факты неуставного отношения или «дедовщины» [4, с. 33].

Следующая причина — «потерянный год». Данную проблему армия решает достаточно эффективно. Во-первых, отслужившим гражданами предоставляется льготы при поступлении в вуз; во-вторых, прежде чем отслужить, призывнику даётся шанс поступить в учебное заведение, и в случае, если он им не воспользовался, с точки зрения государства, он будет более полезным в армии.

Если на возможные возражения о том, что не поступление в вуз может быть связано со сложными семейными обстоятельствами, не являющимся основанием для освобождения от военной службы, то в этом случае армия так же предоставляет некоторые льготы — «тяжёлое семейное положение». Прежде всего, приоритетное право проходить службу максимально близко к дому, а также, денежные выплаты, например, жене, оставшейся с малолетним ребенком. Однако это не устраняет проблему, а лишь смягчает её.

Преимуществом обязательной службы в армии является обеспечение стабильности на фоне экономических потрясений, особенно если рассматривать службу в армии как дальнейшую перспективу. Но и в данной ситуации срочная служба проигрывает контрактной.

Таким образом, ответ на вопрос «*Обязательная служба в армии: пережиток прошлого или условие существования будущего?*» является дискуссионным.

Любые преимущества срочной армии сохраняют свою актуальность и в условиях прохождения военной службы по контракту, более того, в случае с контрактной службой они приумножаются.

Гражданин, который поступил на контрактную военную службу, принял ответственное решение; он не только прошёл более строгий отбор, но и готов к прохождению службы, он мотивирован и идейно, и материально, и будущими перспективами.

В данных условиях обязательная военная служба представляется пережитком прошлого, неэффективным институтом, однако отказ от него, на данный момент, невозможен, в связи с тем, что контрактная служба, будучи более качественной, всё ещё является малочисленной, тогда как обязательная военная служба, обеспечивает количественный показатель, и учитывая положение нашей страны на мировой арене, количество интересов и зон влияния (Ближний Восток, Средняя Азия и т. д.), вызовы внешних угроз и протяженность нашей границы — отказ от обязательной военной службы, это то, к чему мы должны уверенно стремиться.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ: от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Российская газета. — 1993. — 25 декабря.
2. О воинской обязанности и военной службе: Федеральный закон от 28.03.1998 N 53-ФЗ (последняя редакция) // СПС Консультант Плюс [электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18260/ (дата обращения: 28.09.2019).
3. Агешкин А. А. и др. Все о службе в армии: практическое пособие / А. А. Агешкин. — Москва — М.: Московская финансово-промышленная академия, 2012. — 288 с.
4. Слесарский К. И. Ограничение конституционных прав и свобод личности при исполнении воинской обязанности в Российской Федерации / К. И. Слесарский // Журнал российского права. — 2018. — № 6 (258). — С. 30—39.
5. Шалаев П. С. Конституционно-правовые основы военной службы в Вооруженных силах Российской Федерации / П. С. Шалаев // Наука. Общество. Государство. — 2014. — № 4. — С. 226—233.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Развитие социального предпринимательства в России: историко-правовые аспекты

Половинкин Владимир Владимирович, студент магистратуры
Институт законоведения и управления ВПА (г. Тула)

В статье рассматривается феномен социального предпринимательства, приводятся несколько трактовок данного понятия, а также анализируется процесс становление данного явления в России как полноценного института. На примере деятельности частных фондов приводятся примеры поддержки социального предпринимательства в России. Проводится анализ действующих правовых норм, регулирующих деятельность субъектов социального предпринимательства в России.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, частная и государственная поддержка, некоммерческий сектор, институт социального предпринимательства.

Российская Федерация с момента своего основания стремиться к организации внутри страны гражданского общества — общества равных возможностей, правового и социально справедливого. Данные стремления с самого начала упирались в стену социальных проблем, решить которые государству самостоятельно крайне проблематично. О наличии таких проблем упорно говорит статистика. Так, по состоянию на 2019 год за чертой бедности в России проживают около 13% граждан (приблизительно 19 миллионов человек) [4]. Проблема бедности не является единственной. Социальная напряженность усугубляется большим количеством людей с инвалидностью (более 12 миллионов человек — каждый 12-й житель страны), а также людей старше трудоспособного возраста (более 36 миллионов человек — каждый четвертый житель страны) [6].

Установление социального предпринимательства как альтернативного и дополнительного источника социальной поддержки населения можно связать с рядом причин:

- увеличение потребностей населения в различных формах социального обслуживания;
- инвалидизация и старение населения;
- невысокая эффективность решения социальных проблем государственными методами;
- активное внедрение инновационных технологий в систему социального обслуживания населения;
- появление возможности на практике применять нестандартные подходы к решению социальных проблем и др. [8, с. 51].

Появление некоммерческого сектора, стремящегося к снижению социальной напряженности в отдельных группах населения, а также предпринимателей, заинтересованных в устойчивом развитии экономики, не заставило себя ждать. С внедрением в систему борьбы

с социальными проблемами негосударственных структур, предлагающих альтернативные пути выхода из сложившегося социального кризиса, в России начинает использоваться понятие «социальное предпринимательство».

В зарубежной литературе термин «социальное предпринимательство» применительно к вопросам социальных изменений начал употребляться в 60-е — 70-е годы XX века, а окончательно социальное предпринимательство утвердилось в качестве самостоятельного вида предпринимательства в 80-е годы XX века. В Российской Федерации данное явление начало зарождаться лишь в середине 2000-х годов и в настоящий момент все еще проходит стадию становления [7]. Можно сказать, что в настоящее время социальное предпринимательство в нашей стране переходит на второй этап развития: происходит перестроение общественного мнения о социальном предпринимательстве, разрозненные хаотичные попытки бизнеса и некоммерческих организаций участвовать в разрешении социальных проблем обретают черты социального предпринимательства [10, с. 113].

На данный момент не существует четкого определения социального предпринимательства, однако, некоторые ученые полагают, что оно может быть представлено как способ социально-экономической деятельности, соединяющий в себе социальное назначение организации с ее предпринимательской инициативой и достижением устойчивой самоокупаемости [10, с. 15].

Исследователи выделяют две трактовки явления социального предпринимательства. В широком смысле социальное предпринимательство представляет собой любую социально полезную деятельность. В данном случае происходит размывание границ между коммерческим и некоммерческим началом организации, что в конечном итоге вредит самому явлению [7]. В узком же смысле социальное предпринимательство предстает рассматривается

только с позиции своих отличительных черт. Данное явление подразумевает наличие социальных преобразований. Путем инновационного подхода к социальным проблемам социальное предпринимательство создает принципиально новые методы выхода из социального кризиса [10, с. 16].

Деятельность социальных предпринимателей разнообразна, но при этом она непременно должна быть направлена на разработку и внедрение социально-значимых проектов. Предпринимательская деятельность в данном случае может осуществляться путем производства и реализации товаров, оказания услуг. Такая деятельность имеет ряд характерных показателей:

- инновационный характер — социальный предприниматель должен привносить в свою деятельность индивидуальность, различные новшества, востребованные на рынке в данный момент;
- воздействие на общество — деятельность социального предпринимателя должна оказывать положительное социальное воздействие, способствовать решению социальных проблем;
- экономическая устойчивость — деятельность социального предпринимателя должна не только решать социальные проблемы, но и окупать затраты на социальные проекты;
- масштабируемость — социальные предприниматель должен предоставлять возможность другим участникам рынка, а также государству использовать положительный опыт его деятельности [11, с. 77].

Как мы говорили ранее, государство заинтересовано в развитии социального предпринимательства в силу вышеобозначенных причин, однако, первые шаги к поддержке социального предпринимательства в нашей стране были предприняты частными организациями. С середины 2000-х годов в России создаются благотворительные фонды, образованные крупнейшими частными корпорациями. Целью деятельности данных фондов является не просто кратковременное решение социальных проблем за счет разовых финансовых вложений, но и повышение качества жизни населения.

Первый случай появления института социального предпринимательства в России наблюдался в 2003 году, когда в Новосибирске при Институте дополнительного образования НГТУ был основан Центр социального предпринимательства. Центр занимался платным обучением студентов и затем оказывал им поддержку в реализации инновационных социальных идей. Партнёрами Центра выступали три университета из Великобритании, Германии и Италии, в работе использовался зарубежный опыт и международные передовые практики. В первые годы функционирования Центр сам работал на принципах социального предпринимательства, пользовался поддержкой региональной администрации, при нём был создан молодёжный бизнес-инкубатор. Однако, вскоре, с исчерпанием грантовых средств, тематика курсов сместилась в сторону традиционного бизнес-менеджмента, а затем работы в области поддержки социального предпринимательства были свёрнуты.

Более успешным примером организации структуры, способствующей поддержке и развитию социального предпринимательства в России является Фонд региональных социальных программ «Наше будущее», основанный в 2007 году. Фонд представляет собой некоммерческую организацию, целью которой является реализация долгосрочных социальных проектов, направленных на качественные социальные изменения [9].

Фонд оказывает всестороннюю помощь социальным предприятиям и организациям и решает следующие задачи:

- привлечение в сферу социального предпринимательства новых организаций;
- выявление действующих, а также новых социальных предприятий и инициатив в сфере социального бизнеса;
- оказание финансовой поддержки действующим и новым социальным предприятиям;
- обучение и консультирование по вопросам ведения социального бизнеса;
- распространение идей социального предпринимательства в обществе и формирование позитивного отношения к данному явлению [9].

В рамках деятельности Фонда организован конкурс проектов «Социальный предприниматель». Он проводится с 2008 года и предоставил за это время беспроцентный заем от 2-х до 40-ка миллионов рублей на реализацию 234 социальных проектов в 56 регионах России [9].

Стоит отметить еще одно направление деятельности Фонда. Им организован «Банк социальных идей». Каждый может разместить на сайте свою идею социального бизнеса, которая может быть подхвачена социальными предпринимателями в других регионах или даже в других странах. Возможно, после размещения своей идеи удастся найти спонсорскую помощь, а также единомышленников и партнеров [9].

Естественно, поддержка социального предпринимательства осуществляется и со стороны государства. Применительно к социальным предпринимателям существует ряд мер поддержки. К ним относятся:

- финансирования организаций и предпринимателей;
- понижения размера обязательных налоговых выплат, установления налогового льготирования;
- начисления субсидий, предназначенных для компенсации определенных конкретных затрат;
- установления квоты для проведения государственных закупок у представителей малого бизнеса;
- выделения земельных участков по особой процедуре;
- аренды государственного имущества или оборудования с применением льготных условий договора;
- упрощенной системы по оформлению отчетности и разрешительной документации;
- преимущественного права при участии в государственных закупках [5].

Говоря о развитии социального предпринимательства в России с точки зрения правового регулирования, стоит выделить несколько нормативных правовых актов.

Применительно к деятельности некоммерческих организаций в Российской Федерации действует Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ. Согласно данному закону некоммерческая организация может осуществлять предпринимательскую деятельность, но только при условии, что такая деятельность будет соответствовать целям организации и будет прописана в учредительных документах [2].

Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 № 442-ФЗ устанавливает в качестве элементов системы социального обслуживания негосударственные (коммерческие и некоммерческие) организации социального обслуживания, включая социально ориентированные некоммерческие организации, а также индивидуальных предпринимателей, осуществляющих социальное обслуживание. Тем самым, за данными субъектами законодательно закрепляется роль поставщиков социальных услуг, что позволяет снизить нагрузку государства в решении социальных проблем [1].

Так как большая часть социальных предпринимателей является представителями малого и среднего бизнеса, то стоит упомянуть Федеральный закон «О развитии

малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 № 209-ФЗ. Данный нормативный правовой акт устанавливает систему поддержки малого и среднего бизнеса. В нее входит финансовая, имущественная, информационная, консультационная поддержка; поддержка в бизнеса в сфере образования, инноваций и промышленного производства, ремесленной деятельности, внешнеэкономической и сельскохозяйственной деятельности [3].

Несмотря на наличие приведенных выше нормативных правовых актов отметим тот факт, что законодательная база для регулирования социального предпринимательства в нашей стране до сих пор не разработана. Федеральный закон о социальном предпринимательстве не принят, а имеющиеся правовые нормы, регулирующие деятельность малого и среднего бизнеса, а также некоммерческих организаций, которые могут выступать в качестве социальных предпринимателей, недостаточны для полного охвата явления «социального предпринимательства». Деятельность в направлении создания полноценной законодательной базы для социального предпринимательства ведется, но ее темп и промежуточные результаты не отвечают росту популярности данного явления.

Литература:

1. Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 01.05.2019).
2. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 N 7-ФЗ (ред. от 29.07.2018).
3. Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства» от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 27.12.2018).
4. Бедность в России [Электронный ресурс] // Сайт «Газета.ru». URL: www.gazeta.ru (дата обращения 27.06.2019).
5. Государственная поддержка малого предпринимательства в России [Электронный ресурс] // Сайт «Советы от юриста». URL: w.w.womanlaw.ru (дата обращения 29.06.2019).
6. Демография: численность и состав населения [Электронный ресурс] // Сайт федеральной службы государственной статистики. URL: www.gks.ru (дата обращения 29.06.2019).
7. Мамонова А. В. Становление социального предпринимательства в России: XVIII Международная конференция памяти проф. Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования» [Электронный ресурс]: URL: w.w.w.elar.urfu.ru (дата обращения 27.06.2019).
8. Новикова Н. В. Концептуальные подходы к правовому регулированию социального предпринимательства в России // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2014. № 1. С.50–54.
9. Поддержка социального бизнеса [Электронный ресурс] // Сайт фонда «Наше будущее». URL: <http://www.nb-fund.ru> (дата обращения 15.06.2019).
10. Социальное предпринимательство в России и в мире: практика и исследования / под. ред. А, А, Московская — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 284 с.
11. Стагниева Ю. И. Развитие социального предпринимательства в Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 12. С. 77–81.

Предпринимательская деятельность в международных организациях: правовое регулирование

Половинкин Владимир Владимирович, студент магистратуры
Институт законовещения и управления ВПА (г. Тула)

В статье рассматриваются критерии разделения организаций на коммерческие и некоммерческие, а также различные аспекты предпринимательской деятельности некоммерческих организаций. Ставится вопрос разграничения общественно полезной и предпринимательской деятельности в некоммерческом секторе. Проводится анализ особенностей налогообложения предпринимателей в некоммерческом секторе. На основе нормативных правовых актов Российской Федерации анализируется сущность предпринимательской деятельности в некоммерческом секторе, ее характеристики, признаки и особенности правового регулирования.

Ключевые слова: некоммерческая организация, предпринимательская деятельность, общественно полезная деятельность, финансирование, налогообложение.

Некоммерческие организации в современной России занимают большую нишу среди общественных объединений. Это произошло во многом благодаря специфической деятельности, направленной прежде всего на продвижение социальных инициатив, поддержку незащищенных категорий граждан. Институт благотворительности, из которого появились некоммерческие организации был исторически развит в России. Появление большого количества некоммерческих организаций можно также связать с тем, что государство на современном этапе не справляется со своими обязанностями в социальной сфере. Большая нагрузка на государственный бюджет обеспечивается несоизмерно большим объемом нуждающегося в государственной поддержке населения. Так, например, по данным федеральной службы статистики в России проживают более 12 миллионов инвалидов и более 38 миллионов граждан старше трудоспособного возраста [5]. В данной среде следует ожидать появление альтернативных источников социальной поддержки, коими некоммерческие организации, безусловно, являются.

В научной литературе существует общепринятое деление организаций на коммерческие и некоммерческие, каждая из которых обладают специфическими характеристиками и признаками.

Один из таких признаков — цель создания организации. Некоммерческие организации преследуют не цель обогащения их учредителей, а социальные, благотворительные, культурные, образовательные, научные, управленческие и иные цели, направленные на достижение общественных благ [2]. Хотя закон не запрещает при осуществлении общественно полезной деятельности получать прибыль, необходимую для обеспечения деятельности некоммерческой организации. В отличие от этого коммерческие организации создаются для извлечения прибыли. Такая цель может быть достигнута только посредством реализации предпринимательских видов деятельности.

Второй признак — распределение прибыли между участниками. В отличие от коммерческих некоммерческим организациям законодательно запрещено распределять полученную в результате предпринимательской деятельности прибыль между участниками. Во многом,

такой запрет обусловлен тем, что в противном случае меры государственной поддержки некоммерческих организаций в виде субсидий, грантов, налоговых льгот будут использованы для личного обогащения членов организации.

Исходя из вышеизложенного, некоммерческой организацией стоит считать организацию, не имеющую извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющую полученную прибыль между участниками [2]. Данная организация может осуществлять деятельность в различных направлениях: благотворительность, охрана здоровья граждан, развитие физической культуры и спорта, защита прав и законных интересов граждан и т. д. [2].

Несмотря на то, что некоммерческие организации в своей деятельности не преследуют цель извлечения прибыли, законодательно им не запрещено заниматься предпринимательством. Гражданский кодекс РФ рассматривает предпринимательскую деятельность как самостоятельную, осуществляемую на свой риск деятельность, направленную на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке [1]. Однако, предпринимательская деятельность некоммерческих организаций ограничена некоторыми положениями закона. Так, предпринимательская деятельность в данном случае должна служить достижению целей некоммерческой организации, а также должна быть указана в учредительных документах организации [1]. Стоит также отметить иные ограничения предпринимательской деятельности некоммерческих организаций. Так, некоммерческие организации не могут заключать публичные договоры в качестве стороны, которая производит товары, выполняет работы или оказывает услуги. Некоммерческие организации также не могут выступать в качестве финансового агента.

Некоммерческие организации как объединения людей могут существовать в различных формах: ассоциации, фонды, автономные некоммерческие организации, казачьи общества, религиозные объединения и т. д., но не всем формам некоммерческих организаций разрешено осуществлять предпринимательскую деятельность.

Так, данным видом деятельности не вправе заниматься адвокатские палаты, а для политических партий установлены определенные виды предпринимательской деятельности (реализация сувенирной продукции, полиграфия, аренда недвижимости) [2].

Предпринимательской деятельностью некоммерческой организации признаются приносящее прибыль производство товаров и услуг, отвечающих целям создания некоммерческой организации, а также приобретение и реализация ценных бумаг, имущественных и неимущественных прав. Именно такая деятельность, в которой соединяется социальное назначение организации и предпринимательское новаторство, называется «социальным предпринимательством».

Часто бывает сложно найти разницу между общественно полезной деятельностью некоммерческой организации и ее предпринимательской деятельностью. Здесь стоит пояснить какую деятельность принято считать общественно полезной. Такой деятельностью считается:

- деятельность, результаты которой в силу их качеств предназначены для использования только в общественно полезной деятельности;
- деятельность, способствующая общественно полезной деятельности, делающая ее более эффективной и доступной;
- деятельность, удовлетворяющая потребности, возникающие при реализации общественно полезной деятельности.

Законодательством Российской Федерации могут устанавливаться ограничения на виды деятельности, которыми вправе заниматься некоммерческие организации отдельных видов, а в части учреждений, в том числе, отдельных типов.

Отдельные виды деятельности могут осуществляться некоммерческими организациями только на основании специальных разрешений. Перечень этих видов деятельности определяется действующим законодательством [3].

Автономные некоммерческие организации служат наглядным примером трудности разграничения данных видов деятельности. Такие организации целью своей деятельности преследуют оказание услуг в различных сферах: образование, наука, здравоохранение, культура, спорт и т. д. Такие услуги, зачастую, носят предпринимательский характер. Следовательно, законодатель предоставляет возможность автономным некоммерческим организациям одним видом деятельности осуществлять и предпринимательскую, и общественно полезную деятельность. Многие исследователи законодательства о некоммерческих организациях указывают, что именно в автономной некоммерческой организации практически невозможно отграничить цели деятельности автономных некоммерческих организаций от видов предпринимательской деятельности.

Предпринимательская и общественно полезная деятельность могут совпадать не только при оказании услуг, но и при производстве товаров или выполнении работ.

Создавая некоммерческую организацию, прежде всего стоит уделить внимание ее финансированию, ведь

осуществление социально значимой и не только деятельности требует определенных ресурсов. Рассмотрим возможные механизмы финансирования некоммерческих организаций. Они могут быть внутренними (членские взносы, выручка от реализации товаров, работ, услуг, доходы от использования имущества) и внешние (гранты, субсидии, пожертвования). Безусловно, на начальном этапе важна поддержка государства. Как говорилось ранее, государство заинтересовано в функционировании и развитии некоммерческого сектора, берущего на себя часть государственных социальных обязательств. Данная поддержка заключается в следующих формах:

- финансовая, имущественная, информационная, консультационная поддержка, а также поддержка в области подготовки, переподготовки и повышения квалификации работников и добровольцев социально ориентированных некоммерческих организаций;
- предоставление социально ориентированным некоммерческим организациям льгот по уплате налогов и сборов в соответствии с законодательством о налогах и сборах;
- размещение у социально ориентированных некоммерческих организаций заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд;
- предоставление юридическим лицам, оказывающим социально ориентированным некоммерческим организациям материальную поддержку, льгот по уплате налогов и сборов в соответствии с законодательством о налогах и сборах [2].

Естественно предполагать, что некоммерческая организация, реализующая товары, выполняющая работы или оказывающая услуги в своей деятельности сталкивается с налогами (НДС, налог на прибыль), однако, применительно к некоммерческим организациям налогообложение имеет ряд особенностей:

- некоммерческие организации имеют право не облагать налогом на прибыль и налогом на добавленную стоимость целевые поступления и некоторые другие виды доходов;
- некоммерческие организации получают льготы по отдельным налогам (НДС, налог на имущество и др.) при продаже товаров, работ, услуг, относящихся к социальной сфере;
- необходимость раздельного учета при осуществлении основной и предпринимательской деятельности, ограничения на включение административных расходов в число затрат, уменьшающих налогооблагаемую прибыль;
- право не удерживать налог на доходы физических лиц при осуществлении некоторых выплат, связанных с благотворительной деятельностью [4, с. 82].

Безусловно, налогообложение некоммерческих организаций является одной из главных проблем правового регулирования их деятельности. Зачастую, не удается достоверно определить состав доходов некоммерческих

организаций, ведь помимо предпринимательской деятельности, они могут получать доход от благотворительных взносов, субсидий, грантов.

Как мы видим, существует большое количество нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность некоммерческих организаций, однако в данных источниках содержится не так много норм, регулирующих именно предпринимательскую деятельность некоммерческих

организаций. Эти нормы, в основном, имеют общий характер, их толкование неоднозначно, а практическое применение спорно.

Недостаточность правового регулирования предпринимательской деятельности некоммерческих организаций обуславливает необходимость совершенствования соответствующих нормативных правовых актов, дальнейшего развития содержащихся в них общих положений.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018).
2. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 N 7-ФЗ (ред. от 29.07.2018).
3. Виды деятельности, подлежащие лицензированию: справочная информация [Электронный ресурс] // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения 18.10.2019).
4. Гамольский П. Ю. Некоммерческие организации: особенности налогообложения и бухгалтерского учета / П. Ю. Гамольский. — М.: ЗАО «Книга и Бизнес», 2011. 352 с.
5. Демография: численность и состав населения [Электронный ресурс] // Сайт федеральной службы государственной статистики. URL: www.gks.ru (дата обращения 18.10.2019).

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Реализация принципа разумного срока судопроизводства в гражданском процессе

Алексеева Елена Станиславовна, студент
Сибирский юридический университет (г. Омск)

Пунктом 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) [1] закреплено право каждого на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

В Российской Федерации процессуальное законодательство длительное время не содержало понятия разумного срока судопроизводства в качестве принципа правосудия.

За нарушение закрепленного п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод права на разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом российским законодательством предусмотрена денежная компенсация государством. Формулировка ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (далее по тексту — Закон) не определяет позицию законодателя в неутрачивающих дискуссиях о различии мер юридической ответственности и мер защиты, о «безвиновной» ответственности.

Указание Закона на присуждение компенсации независимо от наличия или отсутствия вины правоприменителей освобождает участников дела от доказывания субъективной стороны нарушения правоприменителями разумных сроков судопроизводства — элемента состава правонарушения, который отличает его от фактического состава, порождающего право на компенсационные выплаты.

Отсутствие однозначной позиции законодателя в данном случае является первым затруднением для правоприменителей в решении вопросов о том, кто и что должен доказывать по делам, рассматриваемым в порядке гл. 26 КАС РФ «Производство по административным делам о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок».

Вторым препятствием для рассмотрения дел этой категории выступает отсутствие в гл. 26 КАС РФ указания

на то, кто должен доказывать обстоятельства, определяющие нарушение права на судопроизводство в разумный срок. Тогда как, например, в ч. ч. 9 и 11 ст. 226 гл. 22 КАС РФ закреплено, какие обстоятельства и кто из участников дела должен доказать при рассмотрении административного дела об оспаривании решения, действия (бездействия) органа, организации, лица, наделенных государственными или иными публичными полномочиями.

Третьей проблемой является то, что подлежащие установлению при рассмотрении административного искового заявления о присуждении компенсации обстоятельства изложены в ч. ч. 3 и 4 ст. 258 КАС РФ недостаточно определенно. В тех случаях, когда законодатель отдает на откуп адресату обязанности возможность по своему усмотрению выбирать условия и объем исполнения обязанности, в правоприменительной практике создается лишь видимость исполнения обязанности, препятствующая совершению в пользу управомоченного субъекта действий, на которые он вправе рассчитывать по закону. Подобные дефекты законодательства иногда признаются неконституционными [4].

Решая вопрос о разумности срока судопроизводства, следует исходить, прежде всего, из того, что понимается под разумностью в праве. Обратимся к доктринальным источникам ввиду отсутствия легальных определений разумности в праве.

Под разумностью подразумевается свойство права, которое обусловлено его интеллектуально-волевым характером и обеспечивает в разнообразных формах, соответствующих стадиям правового регулирования, достижение целей (эффективность) правового регулирования. На разных стадиях правового регулирования разумность имеет различные формы проявления [6]. «Разумность есть условие «выстраивания» определенных мыслительных операций правоприменителя в порядок, в систему» [5].

Исходя из этого, принятие правоприменителями ошибочных решений, повлекших их отмену, т. е. недостижение целей процессуального права «с первой попытки», следует считать нарушением разумных сроков судопроизводства. Правоприменительная ошибка — безусловное

основание персональной юридической ответственности правоприменителя, но всегда нарушение права на разумный срок судопроизводства и безусловное основание для присуждения компенсации за это, поскольку лицо, в отношении которого допущена такая ошибка, не получило гарантий, предусмотренных ст. 18, 46 Конституции РФ.

Из изложенного можно сделать вывод о том, что разумный срок судопроизводства — оценочное понятие, означающее временной промежуток с момента поступления дела (заявления) в суд и до его рассмотрения по существу, а также период исполнения судебного акта, соблюдение которого позволяет обеспечить конституционное право граждан на доступ к правосудию.

Литература:

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом № 1» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)). // Бюллетень международных договоров. № 3. 2001.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 26.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019). // Собрание законодательства РФ, 18.11.2002, № 46, ст. 4532.
3. Федеральный закон от 30 апр. 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // СПС КонсультантПлюс.
4. Постановления Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2009 г. № 4-П, от 24 марта 2009 г. № 6-П.
5. Власенко Н. А. Разумность и определенность правового регулирования. М., 2015. С. 43.
6. Коваленко К. Е. Разумность в праве: основные формы проявления: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 9.

Гражданско-правовая ответственность застройщика в сфере строительства многоквартирных домов в Российской Федерации

Оськина Анна Михайловна, студент магистратуры

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (г. Рязань)

Необходимым условием стабильных отношений имущественного характера является законодательно установленная юридическая ответственность каждого субъекта гражданского оборота. При установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей, предусматривается в ч. 4 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно [1, с. 28].

Гражданско-правовая ответственность — это санкция за правонарушение, вызывающая для нарушителя возложение отрицательных последствий в виде лишения субъективных гражданских прав, либо возложение новых гражданско-правовых обязанностей.

Стоит отметить, что жилую среду создают как природа, так и общество. Общество культивирует природу, преобразует ее, устанавливает контроль над силами природы, использует и подчиняет ее с помощью строительства различных зданий, крупных сооружений и целых городов и соответствующей организации природного окружения. В свою очередь, качество среды оказывает влияние на здоровье и быт людей, их чувства и сознание, тем самым участвуя в формировании физического и морального облика общества [2, с. 9].

Целью градостроительной и жилищной политики является создание комфортной среды жизнедеятельности,

которая позволяет гражданам удовлетворять жилищные потребности и обеспечивать высокое качество жизни в целом.

А. Я. Пылаев отмечает, что «жилищное строительство является одним из наиболее динамично развивающихся секторов национальной экономики и несет особую социальную нагрузку. Строительство жилья представляет собой производство с длительным циклом, требующее крупных финансовых вложений со стороны государства и населения. Рыночная экономика подтолкнула к стремительному развитию частное жилищное строительство и переложило на плечи граждан России основную часть расходов на приобретение нового жилья» [3, с. 3].

В настоящее время сфера строительства многоквартирных домов в Российской Федерации претерпела большое количество изменений. Эти изменения затронули, прежде всего, застройщика как субъекта, который обеспечивает строительство, реконструкцию, капитальный ремонт, снос объектов капитального строительства и т. д.

Ответственность застройщика может быть предусмотрена как нормами договора (например, в договоре строительного подряда), так и возможно прямое указание в законе.

Общие нормы об ответственности застройщика при строительстве объекта содержатся в ст. 60

Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее — ГрК РФ). Так, ч. 3 ст. 60 ГрК РФ предусмотрено, что в случае причинения вреда вследствие разрушения, повреждения объекта незавершенного строительства, нарушения требований безопасности при строительстве такого объекта, требований безопасности при сносе такого объекта возмещение вреда и выплата компенсации сверх возмещения вреда осуществляются застройщиком или техническим заказчиком, если соответствующим договором предусмотрена обязанность технического заказчика возместить причиненный вред либо если застройщик или технический заказчик не докажет, что указанные разрушение, повреждение, нарушение возникли вследствие умысла потерпевшего, действий третьих лиц или непреодолимой силы.

Ответственность застройщика многоквартирного жилого дома предусмотрена Федеральным законом об участии в долевом строительстве [4]. В Федеральном законе об участии в долевом строительстве для застройщика предусмотрены следующие виды гражданско-правовой ответственности.

1. Неустойка. Уплачивается при нарушении застройщиком сроков передачи жилого помещения (ч. 2 ст. 6). Законная неустойка установлена в размере одной трехсотой ставки рефинансирования Банка России, действующей на день исполнения обязательства, от цены договора за каждый день просрочки, причем, если участником долевого строительства является гражданин, указанная неустойка уплачивается застройщиком в двойном размере. Неустойка может быть также предусмотрена договором участия в долевом строительстве, тогда она будет именоваться договорной. Договорная неустойка не может уменьшать законную.

2. Возмещение убытков (ст. 10). Застройщик обязан возместить участнику долевого строительства убытки сверх неустойки в случае ненадлежащего исполнения своих обязательств по договору. При доказанности необходимости аренды жилья для личных нужд участника строительства в связи с нарушением застройщиком срока передачи жилого помещения судом может быть удовлетворено требование о взыскании расходов на аренду жилого помещения.

3. Расторжение договора по инициативе участника долевого строительства в определенных случаях согласно ст. 9.

На основании иных законодательных актов застройщик может быть привлечен к дополнительным мерам ответственности:

- 1) возмещение морального вреда на основании ч. 1 ст. 28 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300—1 «О защите прав потребителей» [5], если участником долевого строительства является физическое лицо;
- 2) возмещение судебных расходов на основании ст. 98 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и ст. 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Таким образом, противоправность допущенного нарушения субъективного гражданского права (неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательства)

относится к числу необходимых условий гражданско-правовой ответственности.

Гражданско-правовая ответственность направлена на достижение определенных целей: предупреждение и пресечение нарушений гражданских прав; восстановление нарушенных интересов; защиту правопорядка в области экономического оборота.

Необходимо отметить, что застройщик несет ответственность не только перед участниками долевого строительства, но и перед контрагентами, с которыми заключены договоры подряда на разные виды работ, договоры поставки, также перед органами государственной власти, например перед Министерством строительного комплекса за своевременное и достоверное предоставление отчетности, и т. д.

На практике часто возникают ситуации, когда застройщик, начав строительство многоквартирного дома с привлечением денежных средств участников долевого строительства, оказывается не в состоянии его завершить. Причины здесь могут быть разные: нецелевое расходование средств застройщиком, отсутствие у застройщика собственных средств, достаточных для финансирования строительства, неисполнение подрядными организациями, привлеченными застройщиком, своих обязательств и т. д. При этом невозможность продолжения строительства многоквартирных домов практически всегда обусловлена отсутствием у застройщика финансовых средств. Федеральный закон об участии в долевом строительстве закрепил важные гарантии прав участников долевого строительства, но при этом содержит правовые коллизии, не позволяющие практически реализовать его нормы, и требует внесения соответствующих поправок.

При этом органы государственной власти не обладают полномочиями по принуждению застройщика к завершению строительства, изъятию принадлежащих ему на праве собственности земельных участков и расположенных на них объектов незавершенного строительства или понуждению к передаче иным путем прав застройщика другому юридическому лицу. С учетом сложившейся ситуации в сфере долевого строительства, а также социальной напряженности в обществе, в июне 2019 г. в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» [6] были внесены изменения, направленные на обеспечение защиты прав и законных интересов граждан — участников долевого строительства многоквартирных домов, перед которыми недобросовестные застройщики не исполнили обязательства по передаче жилых помещений в срок, предусмотренный договором участия в долевом строительстве.

Обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что необходимо строгое соблюдение требований действующего законодательства, как участниками долевого строительства, так и в особенности застройщиками, которые зачастую не соблюдают законодательство, недобросовестно относятся к правам и интересам участников долевого строительства. В этой связи государство должно более активно проводить работу по профилактике возможных нарушений в области долевого строительства,

посредством деятельности правоохранительных и надзорных органов, но в то же время оно не должно забывать о мерах поощрения для добросовестных застройщиков. Судам же следует, осуществляя свою деятельность, принимать решения исходя их принципа единообразия

судебной практики. Все указанные меры позволят повысить уровень доверия населения, тем самым дадут возможность увеличить объемы строительства недвижимости в стране, и в конечном итоге помогут снижать существующую потребность граждан в жилье.

Литература:

1. Мозолин, В. П. О субъективных основаниях гражданско-правовой ответственности [Электронный ресурс] / В. П. Мозолин // Юридическая ответственность: современные вызовы и решения: материалы для VIII Ежегодных научных чтений памяти проф. С. Н. Братуся / Отв. ред. Н. Г. Доронина. — Москва: ИЗиСП при Правительстве РФ: Инфра-М, 2013. — с. 28–33. — Текст: электронный. — URL: <https://new.znaniium.com/> (дата обращения: 20.11.2019).
2. Качество жилых зданий: учебное пособие / А. Я. Пылаев и др.; под ред. А. Я. Пылаева; Южный федеральный университет. — Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета. 2017. — 332 с. — ISBN 978–5–9275–2386–3. — Текст: электронный. — URL: <https://new.znaniium.com/catalog/product/1020513> (дата обращения: 20.11.2019)
3. Современные методы управления жилищным строительством: Учебное пособие / Бузырев В. В., Селютина Л. Г., Мартынов В. Ф. — Москва: Вузовский учебник, НИЦ ИНФРА-М, 2016. — 240 с.: 60x90 1/16 (Переплёт) ISBN 978–5–9558–0428–6 — Текст: электронный. — URL: <https://new.znaniium.com/catalog/product/503149> (дата обращения: 20.11.2019)
4. Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 40.
5. О защите прав потребителей: Закон Рос. Федерации от 07 февраля 1992 г. № 2300–1 // Ведомости. РСФСР. 1992. № 15. Ст. 776.
6. О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

Совершенствование законодательства РФ о правонарушениях в области спорта: международные и национальные тенденции

Шибаров Максим Геннадьевич, студент магистратуры

Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск)

Гончарук Сергей Викторович, старший преподаватель

Сахалинский институт железнодорожного транспорта Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Южно-Сахалинск)

В научной статье автор представил анализ административной и уголовной ответственности за совершение правонарушений в области спорта, дал краткую оценку происходящим изменениям в законодательстве РФ по рассматриваемому вопросу, определил основные направления совершенствования правового регулирования юридической ответственности за совершение правонарушений в данной сфере. Автором в научной статье осуществлен краткий сравнительно-правовой анализ статьи 6.18 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях; а также статей 230.1–230.2 уголовного Кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: правонарушения в области спорта, административные правонарушения и ответственность, преступления и уголовная ответственность, допинг, запрещенная субстанция, запрещенный метод, нарушение антидопинговых требований, спорт.

Отечественное законодательство о составах правонарушений в области спорта и отдельных видах юридической ответственности за их совершение развивается постепенно, прежде всего, с учетом запросов современной российской действительности и влияния различных факторов, в том числе международных тенденций, норм и принципов, организаций в этой области.

Так, одним из правовых последствий международного допингового скандала вокруг России, возможности участвовать спортсменам Российской Федерации в крупных мировых спортивных соревнованиях под национальным российским флагом, а также принимать и проводить данные спортивные мероприятия на своей территории стало введение в 2011 году в ст. 6.18 Кодекса

Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) [4] административной ответственности специальных субъектов (тренера, специалиста по спортивной медицине или иных специалистов в области физической культуры и спорта) за нарушение установленных законодательством РФ о физической культуре и спорте требований о предотвращении допинга в спорте и борьбе с ним.

Сложность изучения данной темы заключается в том, что в России практически отсутствуют комплексные, в том числе монографические и диссертационные работы, направленные на исследования правонарушений в области спорта и юридической ответственности за их совершение. Отдельные вопросы рассматриваются в научных статьях Е. С. Крыловой [7], И. В. Кудашовой [8], А. А. Мохова [9], А. В. Чеботарева [10] и др.

В течение практически восьми лет с момента введения в действие статьи 6.18 КоАП РФ российское государство за совершение данного административного правонарушения предусматривало возможность применения к виновному лицу только одного вида административного наказания — дисквалификации. Также важно отметить, что сами спортсмены за умышленное нарушение данных требований к административной ответственности не привлекались.

С 12 мая 2019 году в связи с принятием и введением в действие Федерального закона от 01.05.2019 № 96-ФЗ «О внесении изменений в статьи 3.5 и 6.18 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [6] российский законодатель коренным образом пересмотрел свое отношение к административной ответственности за совершение данного правонарушения.

Во-первых, в Российской Федерации впервые предусмотрена административная ответственность в отношении спортсменов за умышленное использование ими или попытку использования запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода.

Во-вторых, федеральный законодатель к распространителям допинга (запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода) отнес и самих спортсменов, тем самым устранил имевшийся проблем в законодательстве об административных правонарушениях.

В-третьих, пересмотрена объективная сторона данного административного правонарушения, «содействие» заменено на «распространение», что предполагает совершение иных действий со стороны виновного лица.

В-четвертых, федеральный законодатель полностью отказался от применения к вышеуказанным субъектам (спортсменам, тренерам, специалистам по спортивной медицине и иным специалистам в области физической культуры и спорта) за совершение правонарушений, запрещенных обеими частями ст. 6.18 КоАП РФ, административного наказания в виде дисквалификации, заменив его на административный штраф.

В-пятых, в ч. 2 ст. 6.18 КоАП РФ указывается, что административная ответственность за данное деяние применяется, если оно не влечет за собой более строгого вида юридической ответственности — уголовной.

По мнению автора, полный отказ на законодательном уровне от применения дисквалификации как административного наказания в отношении тренеров и других специалистов как в области физической культуры и спорта, так и в области спортивной медицины, необоснован.

Думается, что установление даже значительных по размеру административных штрафов за совершение данных правонарушений будет менее действенным наказанием, нежели угроза потерять свою работу и статус за совершение неправомерных действий.

Следует внести предложение о дополнении ст. 6.18 КоАП РФ следующей административно-правовой нормой: «в случае совершения специальными субъектами административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 рассматриваемой статьи, повторно, то в качестве административного наказания применять к таким лицам именно дисквалификацию на срок до трех лет».

В то же время следует отметить, что одной из возможных причин отказа федеральным законодателем применения дисквалификации как административного наказания является несоблюдение работодателем порядка расторжения трудового договора во исполнение соответствующего постановления по делу об административном правонарушении. В своем исследовании И. В. Кудашова отмечает, что «на практике часто происходит так, что дисквалифицированный тренер или медицинский работник увольняется по собственному желанию, по соглашению сторон, по какому-либо другому основанию, и запись о дисквалификации в трудовую книжку не вносится. Затем он устраивается на работу в другую организацию и продолжает заниматься той же деятельностью, хотя такого права у него нет» [8, с.29].

В случае дополнения ст. 6.18 КоАП РФ частью о возможности привлечения к административной ответственности спортсменов, тренеров за повторное совершение данного правонарушения в виде дисквалификации, необходимо:

- ввести механизм реального исполнения данного постановления, в том числе законодательного запрета увольнения таких лиц по собственному желанию при поступлении работодателю вступившего в законную силу соответствующего судебного акта,
- установить административную ответственность в отношении работодателя, заключившего трудовой договор (контракт) с дисквалифицированным лицом без надлежащей его проверки (по аналогии со ст. ч. 2 ст. 14.23 КоАП РФ).

Помимо административной ответственности за нарушение антидопинговых требований, в Российской Федерации предусмотрена также и уголовная ответственность (230.1–230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации — далее УК РФ) [5].

Следует обратить внимание на то, что федеральный законодатель модифицируя ст. 6.18 КоАП РФ осуществил попытку решить проблемы пересечения и совпадения состава административного правонарушения со смежными составами соответствующих уголовно-наказуемых деяний. Данная проблема получила широкое освещение

в научной литературе [10, с. 82; 7, с. 38]. В отличие от законодательства РФ в области административных правонарушений к уголовной ответственности за совершение уголовно-наказуемых деяний привлекаются только специальные субъекты: тренеры, специалисты по спортивной медицине либо иные специалисты в области физической культуры и спорта. Преступления, предусмотренные ст. 230.1 и 230.2 УК РФ, также отличаются от состава административных правонарушений, предусмотренных ст. 6.18 КоАП РФ объективной стороной их совершения и наступившими правовыми последствиями. Начиная с 12 мая 2019 года, склонение заведомо несовершеннолетнего спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, является только уголовно-наказуемым деянием.

Правоприменительная практика и по делам об административных правонарушениях, и по уголовным делам за правонарушения в области спорта в России не значительна.

Практически данные статьи УК РФ могут никогда не заработать, поскольку склонять спортсменов станут не непосредственно указанные в статье субъекты (тренер и т. д.), а другие лица, возможно и по негласной просьбе тренера. Это могут быть родственники, друзья, продавцы спортивного питания и т. д. Следует поддержать мнение А. В. Чеботарева об исключении из данных уголовно-правовых статей указаний на то, что к уголовной ответственности за совершение деяний, составляющих объективную сторону рассматриваемых преступлений, может совершить только специальный субъект [10, с.83].

Введенные с 12 мая 2019 года нововведения в ст. 6.18 КоАП РФ не сняли всех противоречий между соответствующими административными правонарушениями и преступлениями. Так, правоприменитель, рассматривая и разрешая дела данной категории, должен четко развести понятия: «распространение», «склонение» и «использование», т. к. правильное их понимание непосредственно влияет на дальнейшую квалификацию совершенного деяния и применяемые к виновному лицу меры наказания: административного или уголовного характера. Федеральный законодатель растолковал только понятие «склонение» в примечании к ст. 230.1 УК РФ, но, к сожалению, не раскрыл понятие «распространение» в примечании к ст. 6.18 КоАП РФ и «использование» к ст. 230.2 УК РФ.

Таким образом, в результате ратификации Россией в 2006 году Международной конвенции по борьбе с допингом в спорте [1], Всемирного антидопингового кодекса Всемирного антидопингового агентства (ВАДА) [2] и других международных правовых актов в сфере противодействия допингу Российская Федерация обратила внимание на необходимость совершенствования правового регулирования юридической ответственности за совершения правонарушений в области спорта, поэтапно вводя административную (2011 г.) и уголовную ответственность (2016 г.).

Следующим этапом развития отечественного законодательства, направленного на предотвращение допинга в спорте и борьбы с ним, под влиянием международных

актов, норм и принципов станут: разработка и внедрение механизма обращения взыскания на доходы и имущество спортсменов, тренеров, врачей и других специалистов в области физической культуры и спорта, полученные от государственных и негосударственных структур за спортивные достижения на соревнованиях различного ранга, в случае последующего выявления совершения ими нарушений антидопинговых правил и применения к ним санкций уполномоченными организациями; уточнение уголовной, административной и дисциплинарной ответственности и соответствующих мер воздействия на спортсменов, тренеров, врачей и других специалистов в области физической культуры и спорта за нарушение антидопингового законодательства на основе результатов правоприменительной практики.

Данные задачи закреплены в разделе I Национального плана борьбы с допингом в российском спорте, принятом Независимой общественной антидопинговой комиссией 01.02.2017 г. [3]

Следует поддержать А. А. Мохова, что в настоящее время в борьбе с допингом на территории Российской Федерации недооценен потенциал гражданско-правовой ответственности и гражданско-правовых средств и механизмов борьбы с ним [9, с.521]. Так, в качестве существенного условия в заключаемый договор со спортсменом и тренером, спортивным врачом и иными лицами необходимо включать в качестве безоговорочное соблюдение ими антидопинговых правил, а также установление гражданско-правовой ответственности за их нарушение.

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

Во-первых, ратифицированные Россией международные акты в области противодействия распространению допинга определили сущность и содержание национальной политики в этой сфере, в том числе направления правового регулирования юридической ответственности за нарушение антидопинговых требований.

Во-вторых, в настоящее время правотворческая деятельность в рассматриваемой области общественных отношений направлена на установление административной и уголовной ответственности за нарушение антидопинговых требований. Первоначально федеральным законодателем была введена в 2011 году административная ответственность, в 2016 году — уголовная, в 2019 году — серьезному изменению подверглась ст. 6.18 КоАП РФ.

В тоже время все имеющиеся теоретико-прикладные противоречия между административной и уголовной ответственностью в данной сфере не были сняты и требуют дальнейшей проработки с учетом результатов правоприменительной практики.

В-третьих, следует рассмотреть вопрос о возврате дисквалификации как административной меры наказания за совершение административных правонарушений в области спорта.

В-четвертых, в качестве субъектов преступления в области спорта необходимо привлекать всех лиц, совершающих данные преступные деяния, независимо от наличия статуса тренера или спортивного медика.

В-пятых, при определении направлений совершенствования правового регулирования юридической ответственности за правонарушения в области спорта, следует обратить внимание на возможности гражданско-правовой ответственности в этой сфере общественных

отношений, в том числе путем включения в качестве существенного условия в гражданско-правовые и трудовые договоры в сфере спорта обязанности по соблюдению антидопинговых требований.

Литература:

1. Всемирный антидопинговый кодекс [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rusada.ru/documents/the-wada-code/> (дата обращения 05.10.2019).
2. Федеральный закон «О ратификации Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте» от 27.12.2006 № 240-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2007. — № 24. — Ст. 2835.
3. Национальный план борьбы с допингом в российском спорте [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/71709064> (дата обращения 05.10.2019).
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ. — 07.01.2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
6. Федеральный закон от 01.05.2019 № 96-ФЗ «О внесении изменений в статьи 3.5 и 6.18 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Собрание законодательства РФ. — 06.05.2019. — № 18. — Ст. 2220.
7. Крылова Е. С. Вопросы разграничения уголовной и административной ответственности за нарушение антидопинговых правил / Е. С. Крылова // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2019. — Т. 10. — № 1 (35). — С. 37–42.
8. Кудашова И. В. Административная ответственность за правонарушения в сфере подготовки спортсменов / И. В. Кудашова // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2015. — № 1 (19). — С. 28–33.
9. Мохов А. А. Гражданско-правовые средства реализации антидопинговой политики в Российской Федерации / А. А. Мохов // Учебные записки Казанского университета. — 2017. — Т. 159. КН. 2. — С. 520–527.
10. Чеботарев А. В. Новое в законодательстве о борьбе с допингом: пробелы и пути их устранения / А. В. Чеботарев // Социально-политические науки. — 2017. — № 5. — С. 81–84.

АРБИТРАЖНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

Анализ новой процессуальной реформы судопроизводства Российской Федерации

Брагин Анатолий Владимирович, студент магистратуры
Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск)

Гончарук Сергей Викторович, старший преподаватель
Сахалинский институт железнодорожного транспорта Дальневосточного государственного университета путей сообщения
(г. Южно-Сахалинск)

В данной статье рассматривается вступившая в силу судебная реформа, затрагивающая кассационное и апелляционное судопроизводство, проводится анализ вероятных проблем и перспектив.

Ключевые слова: судопроизводство, кассация, апелляция, Верховный Суд, реформирование.

Россия — страна с давней правовой историей, которая взяла свое начало с лучших римских юридических постулатов. Слово «власть» истолковывается в основном значении как «право, сила и воля над кем-либо, свобода действий и распоряжений, начальствования», «способность и возможность распоряжаться, повелевать кем-либо, чем-либо» и «могущество, господство, сила» [1].

Надо полагать, что к судебной власти как разновидности власти также относятся эти смысловые характеристики. Из Конституции РФ следует, что судебная власть представляет собой разновидность государственной власти. Статья 10 Конституции РФ также предусматривает, что государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны. Согласно пункту 1 статьи 118 Конституции Российской Федерации, правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом [2].

В последние годы правовая система России претерпевает глубокие изменения, которые, безусловно, оказывают воздействие на её функционирование, в том числе ряд изменений есть и в судебной системе [3].

Актуальность выбранной темы обуславливается тем, что введение новой судебной реформы, заключающейся во внесении изменений в федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции, способна в корне повлиять на качество судебных разбирательств, и еще более способна оказать негативное влияние на правовую доступность. Верховный Суд РФ полагает, что ситуация, при которой одни и те же дела рассматриваются в рамках одного региона, а тем более

в одном и том же суде, противоречит высоким стандартам независимости правосудия.

Отметим, что данная судебная реформа, реализуемая в настоящее время, это третья полномасштабная реформа системы правосудия за всю историю нашего государства [4]. Целью данной реформы является обеспечение независимости и самостоятельности судей путем создания организационно обособленных апелляционных и кассационных инстанций в рамках системы судов общей юрисдикции, а в качестве образца взята арбитражная система судов.

Так 30 июля 2018 года вступил в силу Федеральный конституционный закон от 29.07.2018 № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» [5].

Внесённые поправки предусматривают появление 5 апелляционных и 9 кассационных судов общей юрисдикции, изменение системы обжалования судебных актов.

Ожидается, что появление в РФ этих судов обеспечит беспристрастность, независимость в ходе рассмотрения жалоб на судебные акты нижестоящих инстанций, следовательно, не будет ситуаций, когда проверка решения проводится в том же суде, где дело рассматривалось в качестве суда 1-й инстанции. Изменения призваны усовершенствовать систему судов общей юрисдикции оптимизировать нагрузку на суды. Количество дел, рассматриваемых такими судами в апелляционном и кассационном порядке, значительно превышает количество дел, по которым решение принимается ими по первой инстанции.

Поскольку процессуальное законодательство построено таким образом, что региональные суды в качестве

судов первой инстанции рассматривают наиболее сложные и значимые дела, то уменьшение их нагрузки само по себе положительно скажется на судопроизводстве.

Так, например, Первый кассационный суд общей юрисдикции, с 1 октября 2019 года находящийся в городе Саратовской области, будет осуществлять проверку судебных актов судов Московской области, Тульской области, Курской, Белгородской, Брянской, Воронежской, Калужской, Липецкой, Орловской, Пензенской, Саратовской, Нижегородской области, а также Мордовии.

Следовательно, жалобы и представления на решения судов Московской области придется отправлять в Саратов, где они и станут рассматриваться в кассационном порядке. Москвичам в этом отношении повезло несколько больше. Им не надо будет ехать в другой город или тратить деньги на отправку жалоб. Их (то есть второй кассационный суд) разместится в Москве. Поэтому жалобы на решения московских судов будут рассматриваться в столице. В зону деятельности второго кассационного суда войдут Владимирская, Ивановская, Костромская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, и Ярославская области, ну и, конечно, сама Москва.

В городе Санкт — Петербург создаётся третий кассационный суд. Зона его деятельности охватит север и запад России. Он станет отвечать за пересмотр дел в Карелии, Коми, в Архангельской, Вологодской, Калининградской, Ленинградской, Мурманской, Новгородской и Псковской областях, а также в Санкт-Петербурге и Ненецком автономном округе. Жители и юридические лица, зарегистрированные в этих субъектах РФ, будут направлять свои жалобы в Санкт — Петербург.

Остальные кассационные суды разместятся в Краснодаре, Пятигорске, Самаре, Челябинске, Кемерово и во Владивостоке. Ради их создания будет сокращено 1362 государственных гражданских служащих судов областного звена и выведено из штата 723 судьи. В 9 кассационных судах появятся 9 председателей, 36 их заместителей и 678 судей [6]. Таким образом, большая часть сотрудников региональных судов будет переведена в новые суды.

Далее скажем об апелляционных судах. В состав одного апелляционного округа войдёт от 14 до 21 субъекта РФ. Так, в зоне деятельности первого апелляционного суда находятся Москва и Московская область, а также Белгородская, Брянская, Владимирская, Воронежская, Ивановская, Калининградская, Калужская, Костромская, Курская, Липецкая, Новгородская, Орловская, Псковская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская и Ярославская области. Местом размещения этого суда станет Москва. Поэтому жителям столицы и московской области не придется отправлять жалобы на решения своего городского (или областного) суда в другой регион. Они будут рассмотрены здесь же — в Москве.

В свою очередь в Санкт-Петербурге создается второй апелляционный суд. Он станет рассматривать жалобы на решения Верховных Судов Республик

Карелии и Коми, на судебные акты Санкт-Петербургского суда, Архангельского, Вологодского, Курганского, Ленинградского, Мурманского, Свердловского, Тюменского и Челябинского областных судов, а также судов Ненецкого, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов.

Третий, четвертый и пятый апелляционные суды государство разместит, соответственно, в Сочи, Нижнем Новгороде и Новосибирске.

Как мы можем видеть, законодатель постарался как можно шире раскинуть сеть новых судов по всей России. Для этого, он организовал их в городах, которые до настоящего момента почти не значились на юридической карте нашей страны. Так, кассационные суды возникнут в Челябинске, Саратове, Владивостоке и Кемерово. Один из апелляционных судов образуется в Сочи. А военный апелляционный суд разместится даже не в крупном городе, а в городском округе Власиха, что в Московской области.

Аргументом в пользу судебной реформы, является то, что по данным статистики, опубликованной на официальном сайте Верховного Суда РФ, арбитражными судами в 2017 году было удовлетворено 12% поданных кассационных жалоб (11 933 из 95 270 поданных), в то время как судами общей юрисдикции всего 1% (2227 из 212 137 поданных) [7].

Для наиболее точного анализа исследуемого вопроса, обратимся к мнению, доктора юридических наук, судьи Верховного Суда Российской Федерации, Момотова В. В., который представил следующую точку зрения: «Создание структурно самостоятельных кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции объективно обусловлено современными стандартами судейской независимости, согласно которым «совмещение» нескольких судебных инстанций в рамках одного суда может породить сомнения в объективности и беспристрастности судей при рассмотрении апелляционных и кассационных жалоб» [8].

И если мы согласны с тем, что существует объективная потребность в функционировании организационно обособленных судебных инстанций для максимального обеспечения их независимости и самостоятельности при рассмотрении апелляционных и кассационных жалоб, представлений, а также с тем, что данные изменения существенно снизят нагрузку на судей, а вместе с тем еще и повысит независимость судей, тем самым исключив фактов коррупционной опасности, то нельзя не согласиться с тем, что данная реформа принесет положительный эффект.

Нам представляется несколько странным тот факт, что законодатель не изъявил желания учесть вполне очевидную вещь, а именно, финансовую составляющую. То есть, для простых граждан судебная реформа грозит, в первую очередь, увеличением расходов на услуги адвокатов, так как с введением изменений стоимость их услуг значительно увеличится на стоимость проезда до суда, где происходит рассмотрение апелляции или кассации.

Как известно, по причинам неявки участников в суд, многие процессы отменяются, и с нынешними изменениями процент неявок будет лишь возрастать.

Казалось бы, решить эту проблему можно путем установления видеоконференции, однако и здесь есть нюанс. Для принятия участия в видеоконференции заявленные участники должны быть зарегистрированы, чтобы не случилось видеоподмены.

Такая ситуация представляется безусловно удобной, однако далеко не во всех субъектах страны по понятным финансовым причинам, которая кроется в больших затратах на приобретение видео и аудио оборудования, его модернизации, вместе с этим, данная процедура в силу своей временной продолжительности скажется и на качестве работы судов.

Еще одним существенным минусом этой реформы является то, что положения, касаемо профессионального представительства в судах отнюдь не «выявят профессиональных» юристов, а скорее, усугубит возможность реализации гражданских прав. Далеко не в каждом городе есть большое количество адвокатов, имеющих богатую

судебную практику, а значит, невозможность представительства создаст непреодолимые правовые трудности.

Таким образом, проанализировав принятую судебную реформу с различных точек зрения, мы приходим к следующим выводам: во-первых, очевидно будет снижена судебная нагрузка на судей; во-вторых, сократятся случаи коррупционирования.

Необходимо будет проследить как будет реализована данная реформа в течении следующего года, в частности и на территории Дальнего Востока, а конкретно, в Сахалинской области, так как жителям островного региона, для обращения в кассационную инстанцию придётся пользоваться авиасообщением до Владивостока.

Из этого можно будет делать вывод, что цены на услуги адвокатов могут существенно возрасти. Сама инициатива создания апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции и заслуживает одобрения. Однако определённно ясно то, что она явно будет нуждаться в изменениях.

Литература:

1. Судебная система России: концептуальные основы организации, развития и совершенствования: монография / Изварина А. Ф. — М.: Проспект, 2014. — 304 с.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) / Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, N 31, ст. 4398.
3. Лукьянова Е. Г. Правовая система России: современные тенденции развития // Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 2016. № 6. — С. 6—23.
4. Томсинов В. А. Судебная система Российской Империи в XVIII — первой половине XIX в. (по материалам законодательных актов). Статья первая // Вестник Московского университета (Серия 11. Право.). 2016. № 5. — С. 3—21.
5. Федеральный конституционный закон от 29.07.2018 № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» // СЗ РФ. — 2018. № 31 ст. 4811.
6. Государственная Дума Федерального собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/news/27634/> (дата обращения 22.10.2019).
7. Верховный суд Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vsr.ru/> (дата обращения 22.10.2019).
8. Момотов В. В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: Концепция, цели, содержание (часть I) // Журнал российского права. 2018. № 10 (262). — С. 134—146.

АВТОРСКОЕ ПРАВО И СМЕЖНЫЕ ПРАВА

Оптимальная концепция прав на результаты интеллектуальной деятельности для российского законодательства и соблюдение их охраны в избирательном процессе

Конопля Анна Дмитриевна, студент
Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

Ключевые слова: интеллектуальные права, избирательный процесс, предвыборная агитация, интеллектуальная деятельность, автор.

Каждый день современный человек сталкивается с самим процессом или конечным результатом интеллектуальной деятельности. Такой результат может содержать в себе уникальные творческие или научные ценности, выраженные в общепризнанных формах и, естественно, в отношении них автор приобретает права, которые мы можем именовать интеллектуальными.

Положенная в основу части 4 ГК РФ концепция об интеллектуальных правах, была предложена профессором В. А. Дозорцевым [1]. Концепция интеллектуальных прав, закрепленная в нормах части 4 ГК РФ, получила толкование в работах профессора А. Л. Маковского [2]. Последующее ее развитие имело место в работах под редакцией профессора Л. А. Новоселовой [3]. Следует отметить, что профессором В. П. Мозолиным высказывались суждения о возможности применения известных концепций в рамках российского законодательства с обращением к международному праву. Именно он описывает содержание двух основных концепций интеллектуальных прав: проприетарной (от англ. «property» — собственность) и концепции исключительных прав [4, с.101–103].

Невозможность их применения отмечал профессор В. А. Дозорцев, поскольку «интеллектуальные права с правом собственности (иными вещными правами) различны в характере правомочий, способах защиты».

Помимо этого, профессор В. П. Мозолин высказывал и следующую мысль: «содержание части 4 ГК РФ не отражает действительное построение субъективного права автора. Законодательство об интеллектуальной собственности ставит на центральное место имущественные права, вопросы их реализации. На первом месте должны находиться личные неимущественные права авторов, трудом которых создается соответствующий результат деятельности». Именно такая очередность, полагаем, согласуется с определением термина «интеллектуальные права», которое предложил Эдмонт Пикар, ставивший на первое место личный элемент (присущий автору),

а имущественные категории признавал второстепенными [5, с.22–27].

В то же время концепция интеллектуальных прав проверена временем (более 10 лет с момента ее принятия) и практикой применения Судом по интеллектуальным правам. Тем не менее, в части 4 ГК РФ есть моменты, требующие упрочнения в урегулировании охраны именно прав автора.

На наш взгляд, концепцию интеллектуальных прав необходимо представлять так: приоритетное положение должны иметь личные неимущественные права автора, т. к. они неотделимы от личности, предшествуют появлению имущественных прав.

Концепции прав на результаты интеллектуальной деятельности целесообразно также рассматривать с правоприменительной стороны. Одним из таких направлений является охрана интеллектуальных прав в избирательном процессе.

Избирательное право — это составная часть политических прав и свобод граждан РФ, реализация которых укрепляет связь между личностью и государством. В Федеральном законе от 12 июня 2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [6] (далее — Федеральный закон) целенаправленно было сформулировано понятие «избирательные права граждан» (п.28 ст. 2 Федерального закона)».

Практическая сторона проведения выборов в РФ имеет ряд проблем: в частности, это вопросы соблюдения ограничений в период предвыборной агитации. В РФ с 2006 года действует ограничение — запрет предвыборной агитации, нарушающей законодательство РФ об интеллектуальной собственности (п.1.1 ст. 56 Федерального закона). Разъяснение о применении данной нормы приведено в п.35 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 марта 2011 № 5 «О практике рассмотрения судами дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме

граждан Российской Федерации» [7]. Однако, оценка ее содержания влечет вопросы следующего характера: 1) какой элемент интеллектуальных прав подлежит защите первоначально; 2) какой результат интеллектуальной деятельности затрагивают данные нарушения; 3) какие способы правовой охраны могут применяться, существуют ли специальные.

По мнению А. Б. Никишова и Л. В. Цитовича «проблема интеллектуальных прав в рамках избирательной компании недостаточно изучена. В наше время она актуальна, т. к. каждый год в нашем государстве проходят выборы на различных уровнях» [8].

Понятие охраны интеллектуальных прав в избирательном процессе строится на положениях части 4 ГК РФ и Федерального закона: это совокупность средств защиты, используемых с целью предотвращения противоправных действий кандидатов (избирательных компаний) в период предвыборной агитации, а также восстановление положения, существовавшего ранее.

Нарушение ограничения, установленного п. 1.1 ст. 56 Федерального закон, позволяет использовать средства гражданско-правовой защиты интеллектуальных прав (ст. 1250–1252 ГК РФ) и способы конституционно — правового характера, охраняющие право человека на свободу творчества (отмена регистрации кандидата по ч. 7 ст. 76 Федерального закона). Оценка и проверка нарушений законодательства РФ об интеллектуальной собственности осуществляется при наличии явных признаков предвыборной агитации [9]. При этом важное значение имеет то, какие права подлежат охране, на какой результат интеллектуальной деятельности они распространяются.

Например, в своем решении Верховный суд Республики Татарстан удовлетворил иски о признании недействительными аудиовизуальных агитационных материалов (видеоролик с использованием музыки инструментальной пьесы итальянского композитора без указания автора и без его согласия на использование) [10]. В этом случае в первую очередь охране подлежит право автора на имя. Позицию суда признала Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ.

Костромской областной суд указывает, что использование эмблемы политической партии, которая не является самостоятельным объектом авторского права, было

не с целью агитации, поэтому принять решение об отмене регистрации зарегистрированного кандидата невозможно [11].

При этом, на наш взгляд, суды должны учитывать такие факторы, как: 1) масштаб распространения агитационного материала; 2) наличие указания автора, его согласие об использовании результата интеллектуальной деятельности; 3) существовало ли побуждение избирателей к голосованию за кандидата; 4) исследование личной заинтересованности лица, не являющегося носителем интеллектуальных прав.

Следует обратить внимание, что законодательство РФ предусматривает судебную защиту интеллектуальных прав по заявлению автора или иных правообладателей. Во всех вышеперечисленных случаях авторы и правообладатели никаких возражений не предъявляли, инициаторами были конкурирующие участники выборов или избирательные компании, т. к. существует личная заинтересованность в устранении кандидата. Избирательная комиссия содействует в охране интеллектуальных прав: она имеет право принимать постановления о запрете распространения печатного агитационного материала, содержащего результат интеллектуальной деятельности. На это указывает Судебная коллегия по административным делам Верховного Суд РФ в деле об оспаривании постановления избирательной комиссии [12].

Подводя итоги, на основании исследования научных трудов и судебной практики РФ, можно сделать следующий вывод: действительно, положения части 4 ГК РФ предусматривают судебную защиту интеллектуальных прав авторов и правообладателей, но они, как показывает практика, сами непосредственно не заявляют о нарушении прав в период предвыборной агитации по п. 1.1 ст. 56 Федерального закона. Поэтому, для сокращения числа нарушений в области интеллектуального права предлагаем избирательным комиссиям фиксировать и оповещать авторов и иных правообладателей о факте неправомерных действий в отношении созданных результатов интеллектуальной деятельности, либо представлять кандидатом или избирательной компанией документы, подтверждающие правомерное использование результатов интеллектуальной деятельности в избирательные комиссии на период проведения предвыборной агитации.

Литература:

1. Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации. Сборник статей/Исслед. центр частного права. — М.: «Статут», 2003. — 416 с.;
2. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. А. Л. Маковского; вступ. ст. В. Ф. Яковлева; Исслед. центр частного права. — М.: «Статут», 2008. — С. 274–303; 371–384;
3. Новоселова Л. А., Рожкова М. А. Интеллектуальная собственность: некоторые аспекты правового регулирования: монография. — М.: «Норма», «ИнфраМ», 2014. — 128 с.;
4. Мозолин В. П. О концепции интеллектуальных прав // «Журнал российского права». 2007. № 12. С. 100–109;
5. Косинков В. В. Понятие интеллектуальных прав: теоретико-методологические аспекты // Журнал «Философия права». 2015. № 5 (72). С. 22–27;
6. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный от 12 июня 2002 № 67-ФЗ (в ред. ФЗ от 29.05.2019 № 104-ФЗ) // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253;

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 марта 2011 г. № 5 «О практике рассмотрения судами дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (ред. от 09.02.2012) // Бюллетень ВС РФ. 2011. № 6;
8. Никишов А. Б., Цитович Л. В. Нарушение интеллектуальных прав субъектами избирательного процесса // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 4. С.71–75;
9. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 05.09.2018 по делу № 33а-17541/2018 // СПС «Консультант Плюс»;
10. Решение Верховного Суда Республики Татарстан от 29.08.2019 г. по делу № 3а-632/2019//СПС «Консультант Плюс»;
11. Решение Костромского областного суда от 13.09.2016 г. по делу № 3а-43/2016//СПС «Консультант Плюс»;
12. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.08.2019 г. № 47-АПА19–4// СПС «Консультант Плюс».

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Сравнительный анализ срочных трудовых договоров в белорусском и российском законодательстве

Божукова Елена Михайловна, начальник отдела кадров
ООО «Белнефтехим-РОС» (г. Москва)

Статья посвящена рассмотрению и проведению сравнительного анализа срочных трудовых договоров в российском и белорусском трудовом законодательстве. Особое внимание уделено одной из разновидностей срочного трудового договора — контракту, который применяется только в белорусском законодательстве. Подробно рассмотрены положительные и отрицательные стороны контракта, как для нанимателя, так и для работника.

Ключевые слова: работник, работодатель (наниматель), срочный трудовой договор, контракт, Трудовой кодекс.

Трудовой договор — один из важнейших институтов трудового права, позволяющий сторонам по своему соглашению регулировать условия трудовых отношений. Трудовые кодексы Республики Беларусь (ТК РБ) и Российской Федерации (ТК РФ) уделяют большое внимание договорному регулированию трудовых отношений.

Определения понятия трудовой договор в ТК РФ и в ТК РБ сходны, однако имеются некоторые различия. По ТК РФ трудовой договор — соглашение между работником и нанимателем, в соответствии с которым работник обязуется выполнять работу по определенной одной или нескольким профессиям, специальностям или должностям соответствующей квалификации согласно штатному расписанию и соблюдать внутренний трудовой распорядок, а наниматель обязуется предоставлять работнику обусловленную трудовым договором работу, обеспечивать условия труда, предусмотренные законодательством о труде, локальными нормативными правовыми актами и соглашением сторон, своевременно выплачивать работнику заработную плату.

В соответствии с ТК РФ трудовой договор — это соглашение между работодателем и работником, в соответствии с которым работодатель обязуется предоставить работнику работу по обусловленной трудовой функции, обеспечить условия труда, предусмотренные трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами и данным соглашением, своевременно и в полном размере выплачивать работнику заработную плату, а работник обязуется лично выполнять определенную этим соглашением трудовую функцию, соблюдать правила внутреннего трудового распорядка, действующие у данного работодателя.

Как видно из приведенных определений трудового договора, в ТК РФ используется термин «работодатель», а в ТК РБ — «наниматель».

В российском трудовом законодательстве выделяются две крупные группы оснований заключения срочного трудового договора: основания, требующие обязательного заключения срочного трудового договора, и основания, для которых важно предварительное достижение согласия сторон о заключении такого вида договора.

Признаками срочного трудового договора в Российской Федерации являются: добровольность его заключения; ограничение срока максимальным периодом; закрепление оснований заключения в федеральных законах; условия изменения в договор на неопределенный срок; истечение срока как объективное основание прекращения этого договора; равенство прав работников по срочным трудовым договорам и работников по договорам на неопределенный срок в процессе исполнения ими своих трудовых функций.

В действующем российском трудовом законодательстве трудовым договорам посвящен раздел III ТК РФ. Трудовые договоры заключаются на неопределенный или определенный срок не более пяти лет (срочный трудовой договор). Условия заключения срочного трудового договора прописаны в ст. 59 ТК РФ, причем этот список исчерпывающий и расширению не подлежит.

В действующем белорусском трудовом законодательстве трудовым договорам посвящен раздел II ТК РБ. Также как и в российском трудовом законодательстве, трудовые договоры заключаются на неопределенный или определенный срок не более пяти лет (срочный трудовой договор), однако, одной из разновидностью срочного трудового договора является **контракт**, который

заклучается в порядке и на условиях, предусмотренных законодательством о труде (ст. 17 ТК РБ).

В российском трудовом законодательстве слово «контракт» не фигурирует с 01.02.2002 года. «Контракт» применим только к служебным контрактам как виду соглашения, заключаемым между поступающим государственную службу и представителем государственного органа (ФЗ № 79-ФЗ от 27.07.2004). Положения Трудового кодекса Российской Федерации на служебные контракты не распространяются.

Что же такое «контракт» применительно к белорусскому трудовому законодательству? Начнем с того, что контракт существенно ухудшает положение работника по сравнению с трудовым договором, а именно:

- контракт всегда имеет «срок действия» (заклучается на срок не менее одного года и не более пяти лет);
- контракт может содержать дополнительные основания его прекращения по инициативе нанимателя (прекращение контракта возможно только на условиях, прописанных в контракте);
- невозможность по инициативе работника досрочно расторгнуть контракт без уважительных причин, препятствующих выполнению работы (наниматель имеет право удерживать работника на рабочем месте до окончания срока контракта, а также не продлевать контракт на новый срок без объяснения причин, письменно предупредив об этом работника за один месяц до окончания срока действия контракта);
- контракт может заключаться как при приеме на работу, так и работниками, работающими у данного нанимателя по трудовому договору, заключенному на неопределенный срок;
- контракт можно заключить с любым работником (Декрет РБ № 29 от 26.07.1999).

В качестве компенсации за «столь жесткие рамки» условиями контракта работнику могут быть установлены повышенные тарифные ставки, дополнительный

отпуск, предоставление жилья и т. д. Однако, даже самые «щедрые» компенсации не дают работнику никаких гарантий и «уверенности в завтрашнем дне».

Конечно, с позиции нанимателя, заключение с работником контракта вместо трудового договора, несомненно, более выгодно. Главная, пожалуй, выгода состоит в том, что наниматель вправе не продлевать контракт с «неудобными» для него работниками, причем без объяснения причины и без выплаты «золотого парашюта».

Заклучая контракт, наниматель стимулирует работников к более качественному и добросовестному исполнению трудовых обязанностей, работе на результат.

Российские работники и работодатели тоже по-разному относятся к срочному трудовому договору. Работники видят в нем, прежде всего, ограничителя стабильности трудовых отношений, поскольку срочный трудовой договор может прекращаться по дополнительному основанию, не свойственному иным трудовым договорам. Таким дополнительным основанием является истечение срока действия трудового договора. Работодатели же рассматривают срочный трудовой договор как возможность использовать личный труд, не связывая себя обязательствами по установлению трудовых отношений на неопределенный срок независимо от финансово-экономической конъюнктуры.

В завершение хочется отметить, что российское трудовое законодательство все-таки в большей мере защищает интересы работников, нежели белорусское трудовое законодательство. У российских работодателей меньше законодательно закрепленных рычагов управления, например, для расставания с недобросовестными работниками. Как правило, работодатель вынужден «договариваться» с таким работником о расторжении трудового договора по соглашению сторон с выплатой работнику выходного пособия.

И, тем не менее, и российское, и белорусское трудовое законодательство требуют тщательной проработки с целью оптимального их применения на практике.

Литература:

1. Батусова, Е. С. Правовое регулирование срочных трудовых договоров в России и некоторых зарубежных странах (сравнительно-правовое исследование): дисс. к. ю.н. спец. 12.00.05/ Е. С. Батусова, ВШЭ, — Москва, 2014.
2. Буянова М. О., Смирнов О. В. Трудовое право: учебник для бакалавров. — М.: РГ-Пресс, 2014. 496 с.
3. Декрет президента Республики Беларусь от 26.07.1999 г. № 29 «О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению трудовой и исполнительской дисциплины». // Собрание декретов, указов, Президента Республики Беларусь и постановлений Совета Министров Республики Беларусь. 1999. № 21.
4. Мазько Е. С., Оробей Т. О. Сравнительный анализ заключения трудовых договоров в Республике Беларусь и Российской Федерации: «Экономика и социум» № 4 (13), — Республика Беларусь, Пинск, 2014.
5. Трудовой кодекс РФ: офиц. Текст (с изм. и доп. от 01.04.2019) // Собр. Законодательства РФ. — 2019.
6. Трудовой кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 26 июля 1999 г., № 296-3 (с изм. и доп.: Закон Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-3 (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 15.11.2016, 2/2437)

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

К вопросу о понятии общественного контроля за деятельностью полиции

Болотов Дмитрий Юрьевич, слушатель
Академия управления МВД России (г. Москва)

В статье проводится анализ законодательного (легального) и научного определения, обозначающего контроль институтов гражданского общества за деятельностью государственных и иных органов. Предлагается авторское определение понятия «общественный контроль за деятельностью полиции». Ключевые слова: общественный контроль, гражданский контроль, гражданское общество, полиция.

Институт общественного контроля за деятельностью государственных и иных органов, в том числе полиции, со стороны гражданского общества имеет огромное значение для обеспечения гарантированных Конституцией прав и свобод человека и гражданина.

В Российской Федерации этот институт приобрел современную правовую форму после принятия Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [15] (далее — Закон об общественном контроле), который закрепил основы организации и осуществления общественного контроля, определил цели и задачи, принципы, перечень субъектов общественного контроля, формы, методы и порядок его осуществления.

Вместе с тем понятие «общественный (гражданский, народный, социальный) контроль» не является новым как для российской, так и для иностранной науки. Элементы контроля как универсального механизма взаимодействия государства и общества коренятся в идущем из глубины веков скандинавском институте омбудсмена, народных собраниях (вече), в действиях различных представителей государства, в конституционном контроле, возникшем в США в начале XIX века [16, с. 359].

Вообще, нужно заметить, что понятие «контроль» в юридической теории и практике употребляется довольно часто. Такое частое обращение к этому термину, как может показаться, свидетельствует о его достаточной изученности. Однако это не совсем так.

Например, в Федеральном законе от 7 февраля 2019 г. № 3-ФЗ «О полиции» [14] термин «контроль» упомянут более 30 раз. Ю.Л. Корабельникова отмечает [8, с. 322], что в общественном обсуждении проекта указанного Федерального закона приняло участие не менее 16 000 человек, были внесены значительные изменения, в том числе уточнены формы контроля и надзора за деятельностью полиции. Однако законодательного определения рассматриваемой дефиниции предложено не было.

Более того, анализ трудов ученых в различных отраслях права показывает, что в определении сущности понятия «контроль» в научных кругах до настоящего времени единства нет. Большинство авторов трактуют его по-разному: как метод, средство, систему, форму, функцию, деятельность, институт.

Например, государственно-правовой терминологический словарь определяет контроль как вид деятельности, осуществляемой в целях организации выполнения законов и иных нормативных правовых актов, указаний вышестоящих органов, соблюдения дисциплины, должного использования финансовых средств и имущества, организации работы с предложениями, заявлениями и жалобами граждан и т. д. [1]

Е. В. Киричёр, в свою очередь, предлагает следующее определение контроля: «это проверка, а также постоянное наблюдение в целях проверки исполнения Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, указов, распоряжений, постановлений и т. п. То есть идейный смысл контроля состоит в том, чтобы проверять, наблюдать, отслеживать то или иное явление» [7, с. 71].

Кроме термина «общественный контроль», в научной и учебной литературе можно встретить такие дефиниции, как «социальный контроль», «гражданский контроль».

Так, понятие «социальный контроль» часто используется для обозначения совокупности средств и приемов, с помощью которых социум определяет поведение своих членов в соответствии с установленными в обществе нормами и ценностями [12, с. 9].

В СССР социальный контроль воспринимался как взаимосвязанное функционирование государственных и общественных институтов, но при этом приоритетным направлением научного знания была разработка проблем именно государственного контроля. Это было обусловлено спецификой советского государства, когда интересы отдельных граждан были сначала подчинены воле

правлящего класса — пролетариата, а позднее — партийно-государственному аппарату [2, с. 9].

Трудно не согласиться с утверждением о том, что государственный контроль играет важную роль в организации жизнедеятельности общества, обеспечивая его стабильность. Однако нужно отметить, что и само гражданское общество в целом, и его отдельные институты посредством общественного контроля обеспечивают проверку деятельности органов государства в целях определения их соответствия установленным социальным нормам. Поэтому ставить знак равенства между понятиями «социальный контроль» и «общественный контроль», исходя только из равнозначности терминов «социум» и «общество», необоснованно. Понятие «социальный контроль», как представляется, включает в себя и государственный, и общественный контроль, т. е. общественный контроль является одной из составных частей социального контроля.

В трудах отечественных юристов также довольно часто встречается понятие «гражданский контроль». Так, В. В. Серебренников в своей работе предлагает понимать под гражданским контролем систему государственных и общественных институтов, осуществляющих контроль за деятельностью армии [13, с. 31]. В свою очередь, С. М. Зубарев, рассуждая о гражданском контроле, подразумевает контроль отдельных граждан за деятельностью государственных органов и должностных лиц [16, с. 359].

Нередко понятия «гражданский контроль» и «общественный контроль» в работах ученых отождествляются. Е. В. Киричѐк, соглашаясь с этим утверждением, аргументирует свою позицию следующими соображениями: «первый аргумент связан с утверждающейся концепцией гражданского общества, второй связан с попыткой отождествления понятий «гражданское» и «гражданин» [7, с. 73].

А. С. Панарин считает гражданский (общественный) контроль продуктом общественного развития. «В отношении гражданского (общественного) контроля должен действовать принцип «разрешено всё, что не запрещено», поскольку он направлен на качество оказания государственных услуг. Граждане должны видеть, насколько эффективно работает государственный (чиновничий) аппарат, ибо в правовом государстве власть должна быть подчинена праву, что достигается только путем контроля над ней. Ведь нет ничего опаснее бесконтрольной власти, опирающейся не на закон, а на угрозу применения насилия» [11, с. 10].

Ю. И. Исакова пишет о том, что «общественный контроль представляет собой одно из направлений жизнедеятельности гражданского общества и важнейшего компонента системы сдержек и противовесов, обеспечивающего стабильность работы государственной машины и создающего иммунитет от всякого рода злоупотреблений» [5, с. 149]. Исходя из этого, учёный рассматривает общественный контроль в качестве одной из функций гражданского общества, называя его в своих работах «гражданским контролем».

Противоположных взглядов придерживается политолог С. И. Морозов, который разграничивает понятия общественного и гражданского контроля. По его мнению, «общественный контроль является механизмом оценки населением деятельности государственных институтов, а гражданский контроль выражается в деятельности некоммерческих организаций, целью которых является проверка органов государственной власти на предмет соответствия их деятельности правовым нормам» [9, с. 329].

О. В. Зуева полагает, что механизм общественного контроля в настоящий момент проходит период становления, а гражданский контроль представляется ученому пока лишь перспективой. «Гражданский контроль характерен для более зрелого демократического общества, гражданам которого свойственен более высокий уровень осознания необходимости контроля» [4, с. 81]. Таким образом, по её мнению, применительно к российской действительности на сегодня уместнее использовать понятие «общественный контроль».

Исходя из проведенного исследования, можно сделать заключение о том, что дискуссия в научном сообществе в отношении того, какой именно термин целесообразно использовать для обозначения рассматриваемого явления, продолжается. В свою очередь отечественный законодатель этот вопрос, как видится, решил для себя однозначно.

В действующей Конституции Российской Федерации как таковой термин «общественный контроль» своего закрепления не нашёл. Вместе с тем, Закон об общественном контроле дает чёткое определение рассматриваемой категории. Под «общественным контролем» понимается «деятельность субъектов общественного контроля, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений» [15].

При анализе законодательного определения можно сделать ряд следующих теоретических выводов.

Общественный контроль может осуществляться исключительно субъектами, поименованными в указанном Федеральном законе, что накладывает ограничения, не отвечающие специфике исследуемого явления, выражающейся в его массовом и многообразном характере, а также широком участии различных слоев общества.

Объект общественного контроля определен достаточно абстрактно, что, в свою очередь, в целях обеспечения полноценной реализации Закона об общественном контроле требует дополнительного нормативного или официального судебного толкования данного понятия.

Ряд ученых, анализируя законодательную дефиницию общественного контроля, выдвигают гипотезу о том, что нормы, содержащиеся в статьях 4 и 5 Закона об общественном контроле, «... носят коллизийный характер. Они противоречат между собой в части закрепления

различных по своей природе целей общественного контроля» [6, с. 190].

Таким образом, и предложенное отечественным законодателем определение, как видится, не в полной мере описывает рассматриваемое явление.

Сделанные в результате проведенного исследования выводы позволяют нам сформулировать следующее определение общественного контроля за деятельностью полиции — это деятельность институтов гражданского

общества, отдельных граждан, заключающаяся в наблюдении, проверке и оценке деятельности полиции, её должностных лиц и принимаемых ими решений, направленная на обеспечение законности, реализацию и защиту прав и свобод человека и гражданина».

Представляется целесообразным использовать указанное определение при дальнейшей оптимизации системы общественного контроля за деятельностью полиции.

Литература:

1. Авакьян С. А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь / Авакьян С. А. // М.: Юстицинформ, 2015.
2. Зубарев С. М. Понятие и сущность общественного контроля за деятельностью государственных органов // Административное право и процесс. 2011. № 5. С. 7–13.
3. Зубарев С. М. Участие граждан в общественном контроле за деятельностью государственного аппарата: новые законодательные гарантии // Административное право и процесс. 2007. № 4. С. 20–25.
4. Зуева О. В. Общественный контроль за деятельностью полиции на примере Волгоградской области // Вестник МВД России. 2019. № 3.
5. Исакова Ю. И. Концептуализация понятия «гражданский контроль» в социологическом знании // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 2 (18). С. 147–151.
6. История и современные тенденции развития гражданского общества и государства: правозащитный аспект: монография / под ред. С. О. Гаврилова, А. В. Гавриловой. М., Проспект, 2019.
7. Киричѐк Е. В. Взаимодействие полиции с институтами гражданского общества в организационно-правовом механизме обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: монография. М.: Академия управления МВД России, 2013.
8. Корабельникова Ю. Л. О роли гражданского общества в конституционном развитии России // Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 2А. С. 321–325.
9. Морозов С. И. Институт гражданского контроля над государственной властью в современной России // Россия в глобальном мире: институты и стратегии политического взаимодействия: материалы IV Всерос. конгресса политологов. Москва, 22–24 ноября 2012 г. М.: Российская ассоциация политической науки, 2012.
10. Основы социального управления: Учебное пособие // Под ред. В. И. Иванова. М.: Высшая школа, 2001.
11. Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование. М., 2002.
12. Румянцева В. Г. Социальный контроль в свете правовых реалий современной России // История государства и права. 2006. № 7.
13. Серебренников В. В. Гражданский контроль над армией // Кентавр. 1992. № 11.
14. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (в ред. от 27 октября 2019 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.
15. Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (в ред. от 27 декабря 2018 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 30 (ч. 1). Ст. 4213.
16. Чиркин В. Е. Государствоведение: учебник. М: Юрист, 2000.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Возможное исправление еще не принятых решений судов

Зацепин Эдуард Александрович, кандидат юридических наук, заслуженный адвокат России
АБ Ростовской области «Адвокатское бюро Зацепина»

Выдержки из будущей докторской диссертации. Описания одной из многих возможных, легких юридических техник. Полезной для применения в судебной практике по уголовным делам. Должно помочь в применении норм уголовного права и защитить, обвиняемых от чрезмерных наказаний. Описывается история направленности применения. Случаи из практики. Способ воздействия и результат.

Ключевые слова: такие преступления, как злоупотребление властью, crimes like abuse of power; уголовном судопроизводстве.

Possible correction of court decisions not yet adopted

Excerpts from doctoral dissertation. Descriptions of one of the many possible lightweight legal techniques that are useful in criminal law practice. The history of the application is described. Cases from practice. The method of exposure and the result.

Данная работа написана на основе одной из глав докторской диссертации. Как часто мы слышим о несправедливых решениях судов по уголовным делам, где присутствуют неправильные и неточные суждения властителей. Желание судей прокуроров сделать все на скорую руку. Отсутствие желания проникнуть полностью в суть дела и его тонкости. Заносчивость, высокомерность при отсутствии истинных знаний. Иногда негативное отношение к психологической стороне дела и самому субъекту деяния. Хотя с виду все говорят о его правах.

Эти действия приводят к применению закона не той категории не того порядка. Многим кажется, что применения закона, похожего на возникшую ситуацию, уже достаточно. Результат — исковерканные судьбы... В связи с чем негативное отношение к закону и праву. Это часто случается при применении уголовных норм. Это происходит как в уголовных, так и гражданских правоотношениях.

И как сложно бывает обжаловать принятые решения, которые хоть и выглядят обдуманными, но неверны по конечной цели.

Необходимы методы и методики с помощью которых можно как-то изменить ситуацию и разрешить проблему в первой инстанции

История

Император Петр I продолжил свои законодательские инициативы. Так, 17 марта 1714 г. был издан «Указ о фискалах и о их должности и действии», регламентирующий полномочия фискалов и меры по борьбе

с взяточничеством и казнокрадством, а в 1715 г. был принят Артикул Воинский, в котором впервые в истории российского права была реализована попытка систематизации уголовно-правовых норм. В нём, например, были описаны такие должностные преступления, как злоупотребление властью в корыстных целях (арт. 194), взяточничество (арт. 184), подделка печатей и документов (арт. 201), срывание указов (арт. 203), принесение лжеприсяги (арт. 196) и лжесвидетельство (арт. 198), за которые грозило наказание в виде смертной казни, телесных наказаний и тюремного заключения. Более широкий перечень случаев превышения и злоупотребления властью сохранился в главе 50 Генерального регламента коллегий (1720 г.), включающей в себя меры взыскания и поощрения за службу.

До восшествия на престол Николая I в 1825 году в абсолютистской монархии процветал «фаворитизм» — часто используемый историками эвфемизм, под которым подразумевается узурпация государственных должностей, почестей и наград фаворитами царя и его окружения. Примеры «фаворитизма» и связанного с ним расхищения (или «разбазаривания») государственной собственности в крупных размерах имеются в большом количестве в отношении почти всех царствований в период с начала XVII века и вплоть до Александра I.

Фаворитизм приобрёл всеобъемлющий характер и был по сути интегрирован в систему государственного управления в царствование Екатерины II (1762—1796). Ко времени её вступления на престол в России

уже глубоко укоренилась система мздоимства, произвола и прочих злоупотреблений со стороны чиновников, о чём она сама громко заявила вскоре после вступления на трон. 18 июля 1762 г., всего лишь через 3 недели после начала царствования, она выпустила Манифест о лихоимстве, в котором констатировала множество злоупотреблений в области государственного управления и правосудия и объявила им борьбу. Однако, как писал историк В. А. Бильбасов, «Екатерина скоро убедилась сама, что «мздоимство в государственных делах» не искореняется указами и манифестами, что для этого нужна коренная реформа всего государственного строя — задача... оказавшаяся не по плечу ни тому времени, ни даже более позднему».

Основные идеи

Как повлиять на абсолютную власть в уголовном судопроизводстве и не только в нем, которая делает что хочет. Это так же выражается в злоупотреблении законом, бесконечным множественном токовании одной и той же нормы. Бывают случаи, когда право идет не по одному пути с законом, когда закон ущемляет уменьшает возможные права. Нельзя забывать, что сейчас законы противоречат обычной логике, к примеру УПК РФ, запрещает применять Федеральные Законы, противоречащие ему, а все Федеральные законные вносящие изменения в него противоречат ему т. к. отменяют или изменяют его нормы. По УПК судья руководствуется в своей деятельности не уголовным процессуальным законом кодексом, а только Конституцией и Федеральным законом. Да возможно они что там подразумевают иначе, но как понять это обывателю.

У меня нет претензии на то что моя идея универсальна и для всех случаев.

Предположение первое — не совершай действий, подпадающих под нормы уголовного права или, совершай только те, которые допустимы. И начинай изучать уголовный закон т. к. если ты его не знаешь пощады не будет. Но как только ты проникнешь в его дебри поймешь, что не шаг то противоправное деяние. Настигнет желание, которое звучит — «Лучше и из дома не выходить, а то мало ли...»

Предположение второе — власть имущий если захочет может привлечь к ответу кого захочет... Что там не говорят, защититься от этого не так просто. И что делать... Бежать за границу, там лучше...

Предположение третье — всё-таки методика какая-то есть защиты, если уже попал в неприятности.

Методика постепенного перемещения внимания оппонента (судьи, прокурора и т. д.) с постепенным внедрением своего иного мнения так чтобы оппонент был согласен с этим или не мог нечего сделать против.

Одному ее применить будет не так легко. Необходимо обратиться к адвокатам коммерческим или некоммерческим, юристам. Эта методика заключается в том, что поэтапно нужно дать понять, что мнению властителя нечто не угрожает и он может делать, что хочет дать победить злодею. Он должен получить психологическое «поглаживание» за свою деятельность и высказывания противоположного мнения осторожно с разных, ненавязчивых

позиций. Основано на фактах, но без сильных эмоций и только в определенное время и только в небольших дозах.

Значимость, что фактически исполняется закона в той форме, которой был задуман. Подзащитный, который желает исправиться получает такую возможность, и получает наказание, которое заслуживает.

Цели рассмотрения

Связанна с раскрытием, расследованием преступления и рассмотрением дела в суде, а также с системой правоотношений, в которые вступают уполномоченные субъекты противоборствуя друг с другом и с другими субъектами, вовлекаемыми в производство по уголовному делу. Ее адресатом является лицо, осужденное за преступление. Государство и общество не может относиться к такой ситуации безразлично. Оно стремится к исправлению преступника, к замещению отрицательных установок личности преступника на положительные. Таким образом, целью наказания является исправление осужденного, воспитание его уже не как преступника, т. е. лица, не существующего в состоянии вхождения в уголовный проступок и нежелающего совершать преступление, хотя бы из страха наказания. Но способы реализации данной установки часто вступают в противоречия с содержанием субъектов, на которых возлагается исполнение перестроения моделей поведения участников преступного деяния. Что априори требует вмешательства для исправления уже самих примирителей. Кто будит исправлять тех, кто исправляет тех, кто исправляет, если ошибаться начнут и они. Будит это бесконечны процессом? Может это процесс закончиться через какое-то время из-за слишком большой громоздкости. Размышления не об этом. Здесь лишь делается попытка описать возможный способ воздействия не более.

Практическое применение

Ко мне обратился очередной клиент по поводу своего сына, которого арестовали и собирались судить за преступление.

Суть дела они живут в городе N ... Сын приехал в город X. Там они выпивали с братом пиво. Затем как сыну захотелось по выдываться. Без особой цели получить деньги. Имея желание показать себя героем. Он, располагая в кармане пневматический пистолетом зашел в цветочный ларек вынул пистолет просил денег у продавца. После чего был с позором выгнан из ларька не получив требуемого. Сын ушел, но в поисках брата вернулся к тому месту, где был остановлен охраной и доставлен в полицию.

В органах правопорядка он дал признательные показания, какие просил адвокат, вызванный по 51 ст. УК РФ, который обещал, что его выпустят, «если он не будет рыпаться». Но этого не произошло. Бывает так, что некоторые адвокаты непонятно что думаю и делают. Это проходит, но не сразу. В этот момент к ним лучше не попадаться.

Вернёмся к делу. По версии уголовного розыска и следствия сын выпивал с братом и после того как у них кончились деньги, он решил их добыть преступным путем. Зашел в цветочный ларек и в грубой форме вынул

пистолет потребовал деньги. Но продавщица, испугавшись до чертиков вдруг бросается на него и выгоняет из ларька. Более того в придавленном обвинении указывается, что сын совершил разбой открытое хищение имущества с применением насилия опасного для жизни с использованием огнестрельного оружия или предметов в качестве оного. Что явно не соответствует не одной из выдвинутых версий правоохранителей.

Сыну грозило по закону до 10 лет лишения свободы. Исходя из практики 5 лет т. к. у нас Суды и прокуратура обновляются людьми, не всегда толкующими закон в том виде как он задумывался ожидать много чего угодно.

Что делать?

Для решения этой ситуации лучше не спешить и все продумать т. к. ошибка могла привести к плачевным последствиям. Для начала я предположил, что необходимо послать адвоката со скандальным поведением, который будет постоянно жаловаться и выводить из себя как судью так и ее окружение, который в последствии себя подставит и его захотят убрать. Посланный адвокат одновременно с действием на нервы должен понять настрой стороны обвинения и прощупать почву. После чего по предложению самой судьи ввести в процесс якобы лояльного адвоката, который будет со всем соглашаться до определенного момента. И высказывания даже против мнения судьи, и правоохранителей должны выглядеть быть как бы случайны притом не сразу, а только в определенный сложившейся момент. Эти моменты в каждом деле разные,

зависят от сторон и ситуации. Нужно обладать терпением и аккуратностью, чтобы не попасть в и ловушку. Да такие юридические ловушки есть. Они расставляются вольно и невольно юристами в надежде поймать менее опытного. Несмотря на юридические тонкости нельзя забывать об основных юридических направлениях в рассматриваемом деле. Подыгрывать, если все серьёзно быть серьёзным, если участники шутят тоже шутить. Дело рассматривалось не один день, пока один адвокат оттягивал время злил власти. Вступления другого юриста. Отложения рассмотрения по причинам независящим от участников (сломалась машина доставки заключённых и т. д.).

В конечном счете все было сделано.

На первом слушании стало понятно, что прокуратура, суд готовы и настроены привлечь к ответственности сроком на 6 лет лишения свободы после некоторых раздумий прокурор требовал 4,5 года лишения свободы. После прений и речи адвоката смогли добиться 2,5 года лишения свободы.

Вывод

Несмотря на то, что для выборки случаев был приведён один пример, он был основан на теоретическом сопоставлении многих схожих случаев и на теоретическом анализе практик ведения других дел. Прогнозированный результат был успешным. Следует продолжить изучение вопроса. Это лишь начало, основа для новых поисков других возможностей и усовершенствования созданной методики.

Литература:

1. Бильбасов В. А. История Екатерины Второй. Берлин, 1900, т 2, с. 208, 212.
2. Хрестоматия по истории отечественного государства и права. X век — 1917 год / сост. В. А. Томсинов. — М.: Зерцало, 1999; 2004. — С. 116.
3. Уголовный кодекс РФ- Москва: Проспект, 2012.

Причинно-следственная связь как признак объективной стороны преступления

Прасолова Мирослава Юрьевна, студент магистратуры
Алтайский государственный университет (г. Барнаул)

В статье кратко рассмотрены существующие проблемы причинно-следственной связи в уголовном праве. Обращаясь к указанным проблемам, автор анализирует теоретические представления о сущности причинной связи.

Ключевые слова: *причинно-следственная связь, деяние, бездействие, последствие, объективная сторона.*

Объективная сторона преступления — это внешнее проявление общественно-опасного посягательства, представляющее собой совокупность объективных обстоятельств (признаков) преступления, поддающихся восприятию, определению и доказыванию. Признаки объективной стороны играют неравнозначную роль, хотя любой из них выражает общественную опасность и ее степень того или иного преступления и является социально значимым [2, с. 188]. В зависимости от того, все ли признаки

объективной стороны свойственны конкретному составу преступления, их делят на две группы: обязательные и факультативные. Одним из обязательных признаков является причинно-следственная связь между совершенным преступлением и наступившим преступным результатом, поэтому неверное установление наличия либо отсутствия данной связи между преступным деянием и его общественно опасными последствиями влечет за собой неправильную уголовно-правовую квалификацию,

судебные ошибки, и, как следствие, — незаконное осуждение лиц.

Исследованию основ причинно-следственной связи посвящены работы многих ученых. Однако, как справедливо полагает В. Б. Малинин, «несмотря на огромное, почти необозримое количество работ, посвященных проблеме причинной связи, научно обоснованного и ясного решения этого вопроса все еще не достигнуто» [1, с. 64]. Такого же мнения придерживается и А. П. Козлов: «Если же принять во внимание всю совокупность рассмотренных верховными судами спорных применительно к причинной связи уголовных дел, учесть, что не все спорные уголовные дела доходят до Верховного суда, значительная часть их остается в судах первой инстанции, будучи неверно решенными, что не всегда и Верховный суд правильно решает проблемы причинной связи, то проблема причинной связи становится едва ли не самой главной в уголовном праве» [1, с. 64]. Сложилась практика, когда правоприменитель совершает уголовно-правовую оценку по признаку причинно-следственной связи нередко без аргументации, интуитивно, казуистически, а «в материалах уголовных дел формулируется вывод о наличии или отсутствии причинной связи, но не приводятся признаки, по которым происходит ее установление, за исключением признаков «непосредственной», «прямой» связи (25%)» [3, с. 408]. В связи этим нельзя согласиться с точкой зрения, что «уже много лет не возникло острой полемики, и практика в основном правильно решает эту проблему применительно к конкретным делам» [1, с. 64].

В юридической литературе применяются разные словосочетания, характеризующие рассматриваемый признак объективной стороны преступления. Некоторые авторы применяют слова «причинно-следственная связь», другие — «причинная связь» [5, с. 66]. Возможно, какое именно используется словосочетание — не имеет большого значения, но для современного права больше подходит однообразие в терминологии, нежели свободное использование тех или иных выражений. В силу того, что для правоприменителя важны и причина, и следствие, среди которых нет главного, то употребление словосочетание «причинно-следственная связь» будет более точным, так как подчеркивает очень важное свойство данной связи: причина всегда предшествует следствию, которое одно-однозначно связано с причиной. Некоторые авторы используют одновременно понятия причинно-следственная связь и причинная связь, но между ними предполагается некая иерархия: причинная связь — широкомасштабна, а причинно-следственная связь применима для права, частна.

Причинно-следственная связь (ее наличие) определяется построением общей цепи, состоящей из звеньев с непосредственными причинными связями между следующими в строго определенной последовательности общественно опасными результатами: абстрактной (потенциальной) угрозой причинения вреда, реальной (непосредственной) угрозой, опасным состоянием и причинением вреда объекту (или объектам) преступного деяния [1, с. 64]. В одних уголовных делах связь очевидна и может

не вызвать проблем у правоприменителя, в других — требуются исследования экспертами.

Как отмечал Н. Д. Сергеевский, причинно-следственная связь в уголовном праве устанавливается между деянием человека и связанным с ним результатом тогда, когда человек, совершая данное деяние, сознавал или мог сознавать сочетание предыдущих сил, знал или мог знать их действие, то есть предвидел или мог предвидеть исход как последствие. Таким образом, предел причинно-следственной связи заключается в возможности предвидения последствий в период деяния, которое оканчивается тогда, когда результат становится неизбежным [6, с. 33]. Поэтому незнание и непредусмотрение привстающей силы (или невозможность предвидения) прерывает данную связь. Причем по проблеме причинности в современной уголовно-правовой доктрине часто придается значение только проявлению рассматриваемой связи на физическом (вещно-событийном) уровне, но нельзя забывать, что преступление имеет социально-правовую природу.

В науке уголовного права выделяют следующие признаки причинной связи: она — всеобщая (относится ко всем явлениям окружающего мира), объективная (явления взаимосвязаны), необходимая (причина всегда предшествует следствию) и генетическая (следствие порождается причиной). Но, Н. Н. Ярмыш замечает, что для причинно-следственной связи необходимость не является признаком, так как уголовное право занимается ретроспективным познанием произошедшего причинения, и нельзя говорить о необходимости уже осуществившегося, значение имеет только то, было ли оно создано соответствующей причиной. Если придерживаться общепринятого мнения и рассмотреть признак необходимости применительно к конкретной связи, то можно прийти к выводу, что необходимость входит в понятие другого признака, а именно генетического характера связи [4, с. 44–43].

Учеными предложено большое количество теорий причинно-следственной связи (необходимого условия, теории равноценных условий, теория возможности и действительности, необходимой и случайной причинной связи и другие), но, не вдаваясь в их обсуждение, можно сделать вывод, что указанные теории в той или иной степени «разрабатывают» один из индуктивных методов определения наличия связи, рассматриваемых в логике.

Также в юридической литературе нет единого подхода к тому, кто должен определить наличие или отсутствие причинно-следственной связи. Так, часть авторов считает, что в определенных случаях это возможно при проведении судебно-медицинской экспертизы; судебно-медицинские эксперты указывают, что причинность — категория немедицинская (логическая) и ее установление в их компетенцию не входит, а является привилегией правоприменителя [5, с. 68]. Единственным выходом в данной ситуации, возможно, будет законодательное закрепление того, кто должен определять наличие или отсутствие причинно-следственной связи в конкретных случаях.

Отдельно хотелось бы рассмотреть вопрос причинно-следственной связи между бездействием (одной из форм

преступного деяния) и последствием. В доктрине выделяют два противоположных подхода: 1) бездействие не может вызвать следствие, 2) бездействие причиняет последствия. Необходимо отметить, что важно различать сам акт бездействия (невыполнение действия либо его ненадлежащее выполнение) и действия, совершаемые во время него. Причинно-следственная связь при бездействии должна устанавливаться между самим неисполнением или ненадлежащим исполнением какой-либо обязанности как пассивным актом поведения и общественно опасными последствиями. Так, по мнению Н. Ф. Кузнецовой, «действие и бездействие имеют одинаковые механизмы причинения», так как в этих формах преступного деяния лицо может использовать различные механизмы, других лиц и т. д., что позволяет вызвать материальные последствия [4, с. 45]. Однако в данной теории причиной является определенная совокупность факторов, которая играет решающую роль, а не бездействие. Из этого следует, что можно привлечь к ответственности случайного человека, который каким-либо образом повлиял хотя бы на один фактор вышеуказанного комплекса (даже если принимать во внимание только непосредственные причины).

В некоторых составах Уголовного Кодекса Российской Федерации указывается, что «деяние должно или может повлечь за собой определенные последствия» [4, с. 42]. Данная формулировка является основанием для высказывания о том, что деяние и последствия связываются не только причинно-следственной, но и обуславливающей связью. Основное и единственное отличие причинно-следственной связи от обуславливающей — способность причины создавать последствия, что подразумевает ее активность. Таким образом, основная проблема при разрешении вопроса о возможности причинения бездействием — это практическое определение

генетического характера связи и активности причины. Генетический характер связи выражается в том, что причина порождает причинно-следственную цепочку, которая объективно вызывает наступление следствия, а активность причины, в свою очередь, заключается в том, что причина может создавать изменения во внешнем мире.

Бездействие не может рассматриваться как активное поведение, за исключением двух случаев: в информационном смысле и при причинении нематериальных последствий. Но бездействие не становится более активным и создающим в материальном мире, если мы сделаем его таким в мире социальном, поэтому оно может иметь только обуславливающее значение в отношении материальных последствий, так как их повлекли совершенно другие активные силы. А. С. Горелик правильно заметил, что «человеческое поведение, для того чтобы его можно было считать причиной явления, должно активно содействовать наступлению следствия» [4, с. 44]. Не стоит воспринимать вышесказанное как невозможность привлечения человека к уголовной ответственности, но все же в отношении бездействия можно говорить только о предотвращении того или иного следствия. Уголовная ответственность лица должна наступать именно за то, что он должен был действовать, но своим бездействием допустил наступление определенных опасных последствий.

Таким образом, из всего вышеперечисленного можно сделать следующий вывод: утверждение, что причинно-следственная связь связывает деяние и последствия в материальных составах, является доктринальным, и даже краткий экскурс на тему причинно-следственной связи, не смотря на то, что работы многих ученых посвящены исследованию проблематики данного вопроса, показал ее обширность и во многом нерешенность.

Литература:

1. Балашов С. К. Об алгоритме построения общей цепи причинной связи преступления // *Философия права*. — 2016. — № 1. — С. 64–67.
2. Кобец П. Н. Общая характеристика объективной стороны преступления по действующему уголовному законодательству Российской Федерации // *Символ науки*. — 2017. — № 02–2/2017. — С. 187–189.
3. Побегайло Э. Ф. Исследование проблемы причинности и причинной связи как признака объективной стороны преступления // *Всероссийский криминологический журнал*. — 2016. — № 2. — С. 407–410.
4. Федоринин Н. К. Причинная связь при бездействии в уголовном праве // *Juvenis scientia*. — 2017. — № 6. — С. 42–45.
5. Шмаров Л. А. Причинно-следственная связь между действием (бездействием) и неблагоприятным исходом // *Международный журнал Актуальные проблемы медицины и биологии*. — 2018. — № 2. — С. 66–69.
6. Шутемова Т. В. О значении причинной связи в отечественном уголовном праве (по Н. С. Таганцеву и Н. Д. Сергеевскому) // *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право*. — 2009. — № 1. — С. 32–38.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Институт завещательного траста в праве Англии

Никанорова Мария Игоревна, студент
Российский университет дружбы народов (г. Москва)

Бесспорно, институт наследования в правовой системе любого государства является немаловажным элементом частного права. Для стран с романо-германской правовой системой наследование является разновидностью универсального правопреемства, берущего своё начало ещё из римского частного права [1, с.222]. Согласно этому направлению наследник принимает наследство не в определенной части, а целиком, становясь одновременно носителем и прав, и обязанностей наследодателя. Данные права и обязанности именуется как «актив» и «пассив» наследодателя.

Страны «общего права» рассматривают этот вопрос иначе, исходя из того, что после смерти лица его правовой статус ликвидируется, в том числе оплачиваются долги наследодателя, погашаются все его обязательства. Таким образом, у наследника появляется право на так называемый «чистый остаток» (net estate) [2]. Соответствующая процедура носит название «администрирование» и относится исключительно к компетенции суда [3, с.650–651].

Страны континентального права пытались соотнести институт траста со своим внутренним законодательством, так как существует проблема единообразного признания трастов. Полностью аналогичного трасту института в законодательстве стран с романо-германской правовой системой не удалось найти, поэтому необходимо выработать общий подход к понятию трастов и разрешить задачу определения права, применимого к соответствующим отношениям.

Траст как институт английского права широко распространён в сфере наследственных правоотношений: очень часто используется в завещательных целях. В одном случае он может служить альтернативой завещанию, в другом — траст — это особый механизм, с помощью которого активы и иные блага наследодателя переходят к наследникам. Н. Ю. Ерпылева и А. С. Касаткина определяют правовую природу траста, который учрежден в форме завещания, следующим образом: «Если траст учрежден в форме завещания..., то формальная и материальная действительность траста определяются наследственным статутом» [4].

Одним из преимуществ использования траста является возможность обойти норму закона (статута)

об обязательной доле наследников. У учредителя траста (settlor) есть два варианта использования траста: 1) завещательный траст (testamentary trust); 2) прижизненный траст (inter-vivos trust), создаваемый учредителем ещё при жизни, посредством которого учредитель определяет судьбу имущества траста на случай своей смерти [5, с. 122].

Завещательный траст является составной частью завещания и вступает в силу со смертью наследодателя. Он должен соответствовать следующим обязательным требованиям:

- 1) отражает намерение наследодателя учредить траст (certainty of intention);
- 2) отражает перечень активов умершего, передаваемых в траст — определенность предмета траста (subject);
- 3) содержит перечень конкретных бенефициаров — определенность объекта (object);
- 4) имеет в своем содержании законную цель создания траста.

При этих условиях траст является действительным.

При процедуре администрирования наследования английский суд издает letters of administration (специальный документ, определяющий полномочия исполнителя завещания). Если проводить параллель с российским законодательством, то исполнителя завещания, он же управляющий имуществом, можно сравнить с душеприказчиком, который исполняет последнюю волю наследодателя. После того как завещание исполнится, будет назначен доверительный собственник (trustee) в случае, если завещательный траст инкорпорирован в завещание. В последующем так называемый «чистый остаток» передается в собственность trustee.

Данный механизм не работает, когда доверительный собственник и управляющий имуществом, которое было передано в траст, совпадают в одном лице. В данном случае лицо будет иметь двойной статус, что породит конфликт, так как исполнитель может выполнять свои обязанности в течение довольно продолжительного времени, также и управление трастом продолжается либо до достижения цели, указанной в трасте, либо до неопределенного времени. Также есть несовпадение целей их деятельности: все действия, которые совершаются

trustee по своему существу направлены на сохранение активов завещателя, плоды от использования которыми предназначаются бенефициарам [6, р. 45–56], а цель управляющего наоборот за счет активов погасить долги наследодателя.

Случаи создания завещательный траста:

- 1) если в завещании содержится указание о его учреждении и передаче актива наследодателя в доверительную собственность;
- 2) когда наследником/наследниками является лицо, не достигшее 18 лет и не обладающее достаточной дееспособностью для самостоятельного распоряжения унаследованным имуществом [7, с.2].

Правовой режим траста определяется как доверительная (фидуциарная) собственность. Учредитель передает имущество в собственность доверительного

управляющего безвозмездно. Между ними заключается негласный договор — Trust Deed («документ за печатью»), по которому доверительному собственнику переходит часть правомочий (управление и распоряжение имуществом), а бенефициар обладает правом на получение доходов от эксплуатации имущества [5, с. 110]. Следовательно, хотя доверительный собственник технически выступает законным собственником, бенефициары (наследники) имеют право на пользование этим имуществом.

Случай, охарактеризованный одновременным существованием завещания и завещательного траста, на практике вызывает немало проблем, связанных с коллизионным регулированием наследования. Возникает вопрос о соотношении нормативно-правовых актов о наследстве и актов, регламентирующих институт траста.

Литература:

1. Римское частное право: Учебник / Под ред. проф. И. Б. Новицкого и И. С. Перетерского. М., 2012—560 с.
2. Шведкова Ольга Владимировна Понятие наследственного правопреемства // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-nasledstvennogo-pravopreemstva> (дата обращения: 11.10.2018).
3. Гражданское и торговое право зарубежных стран. Учебное пособие / Безбах В. В., Герреро Перес Б. А., Ермакова Е. П., Залесский В. В., и др.; Под общ. ред.: Безбах В. В., Пучинский В. К. — М.: МЦФЭР, 2004. — 896 с.
4. Ерпылева Н. Ю., Касаткина А. С. Признание наследственных трастов в странах континентальной системы права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 3 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priznanie-nasledstvennyh-trastov-v-stranah-kontinentalnoy-sistemy-prava> (дата обращения: 22.11.2019).
5. Канашевский В. А. Правовой режим офшорных компаний и трастов. 2-е изд., доп. М., 2015—183 с.
6. Steel G. Trust practitioner's handbook. 3rd ed. L., 2012—400 p.
7. Чшмаритян Петрос Суменович Завещательный траст в качестве основания трансграничного наследования // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaveschatelnyy-trast-v-kachestve-osnovaniya-transgranichnogo-nasledovaniya> (дата обращения: 22.11.2019).

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№ 7 (14) / 2019

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»
Номер подписан в печать 5.01.2020. Дата выхода в свет: 10.01.2020.
Формат 60 × 90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.
Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.
E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>
Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.